

Сергей Евгеньевич Алтынов

Зона особого внимания

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174725
Зона особого внимания: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-07997-1*

Аннотация

Бывшему десантнику Константину Еремину бывать в передрягах не привыкать. Ведь боевой опыт, полученный в Афганистане, дорогого стоит. Жаркие бои под Кандагаром закалили его характер, обострили интуицию, сделали бесстрашным. Попад в результате контузии в госпиталь, он очутился в поле зрения криминальных структур. Вскоре после выписки ему предлагают «непыльную работенку»: устранить... собственного отца. Бывалый вояка, не колеблясь, поворачивает дуло снайперской винтовки против его обидчиков.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Сергей Алтынов

Зона особого внимания

Описанные в романе события и персонажи вымышленные.

Трудно убить в себе зверя, не испортив при этом шкуры...
Народная мудрость

Московская область.

Исправительно-трудовая колония общего режима

Хозяин, он же начальник колонии подполковник Губин, тоскливо посмотрел на циферблат. 15 минут назад часы начали отсчитывать вторые сутки с тех пор, как зона встала на уши. Бунт вспыхнул отнюдь не стихийно, многое говорило о его неизбежности еще неделю назад, однако понадеялись, как всегда, на русское авось и животный страх зеков перед «карателями» – спецназом УИН.¹ Но после того как в штрафном изоляторе умер от побоев уважаемый среди криминального народа зек Паша Тунгус, уголовники «положили» на спецназовские БТРы, «черемуху» и будущие переломанные ребра с челюстями. Для начала взялись за активистов-красноповязочников, участвовавших в истязании Тунгуса. Двое погибли на лесоповале, пострадали от «несчастливого случая», остальные, изрядно избитые, укрылись в административном корпусе. Вовремя, к их счастью, подоспевший отряд спецназа «Факел» взял взбунтовавшуюся жилую зону в плотное кольцо, не давая зекам вырваться за его пределы.

«Спеццы» не торопились брать штурмом жилую зону: разгоряченные первыми победами уголовники вовсе не собирались сдаваться. Более того, вероятность прорыва бунтовщиками спецназовских заслонов возрастала. Для Губина это было концом карьеры: бунт, даже успешно подавленный спецназом, не утаишь, тем более что без большой крови дело не обойдется. Пойдут комиссии, пресса с дерьмом смешает, а уж если вцепится какой-нибудь пидор-правозащитник, так и сам в зеках окажешься: если будут копать как следует, на судебное дело накопать как два пальца обмочить – и сам не святой, и помощнички те еще ухари...

– Ну чего там? – с усталой нервозностью спросил Губин у вернувшегося в штабную комнату командира «Факела».

– Совсем херово. – Квадратный, среднего роста волкодав в сердцах махнул рукой, похожей на саперную лопату. – Они взбесились! Если им не врезать прямо сейчас, они через полчаса будут здесь...

– И повесят нас за одно место, – мрачно закончил Губин. – Значит, штурм?

– Мы готовы, – без всякого энтузиазма сообщил командир. – Эх, сколько народу поляжет! – и уже не сдерживаясь, заехал ребром ладони по дверному косяку. Штаб слегка потряхнуло. – Ладно, пошли.

В соседней комнате у окна расположилась светловолосая девушка в камуфляже со спецназовской эмблемой – снайпер Юля, единственная женщина в спецподразделении. В

¹ Каратели, спецназ Управления исполнения наказаний (УИН) – спецподразделение МВД, предназначенное для подавления массовых беспорядков в местах лишения свободы.

прицеле ее СВД² мелькал высокий, атлетически сложенный парень с непонятной татуировкой, видневшейся из-под разорванного бушлата. Это был лидер бунтовщиков Саша Токарь, осужденный за разбойное нападение.

– Могу снять в любой момент, – голос Юли звучал буднично. Судьба Саши зависела от зоркости ее голубых глаз.

– Подожди, – остановил вошедший командир. – Снимешь по моей команде, настрой рацию. А пока держи его.

– Есть, – и нежная щека снова коснулась окуляра оптического прицела. После того как пять лет назад вскоре после свадьбы погиб Юлин муж, офицер милиции, к преступникам у девушки отношение было однозначное.

– Значит, так, – командир вернулся к Губину. – Формируй сводный отряд, пойдете зачищать то, что мы не дочистим. Юля снимает Токаря, с левого фланга мы взрываем пару шумовых и световых гранат и вперед: на правом фланге капитан Смирнов и его волкодавы в полной амуниции, ну а в центр пустим БТР. Твои ребята сзади.

– Ясно, – хозяин выдохнул и сплюнул в форточку. – Короче, мясорубка.

– Мясорубка, – в голосе спецназовца звучала усталая злость.

– Начинаем сразу же после взрыва шумовых гранат, – привычным движением командир затянул под подбородком ремешок бронированной полусферы, выскочил на улицу и одним прыжком очутился на корпусе БТРа.

– Обождите, командир! – неожиданно раздался чей-то громкий голос. Спецназовец и Хозяин повернули головы в сторону сводного отряда. Голос принадлежал невысокому худому офицеру лет сорока. Это был командир отряда капитан Колосов, один из немногих по-настоящему уважаемых зеками сотрудников администрации.

– В чем дело, Колосов? – Хозяин с трудом скрывал раздражение, с капитаном у него были давние разногласия.

Маленький капитан вышел из строя и хорошо поставленным командным голосом начал:

– Час назад из соседнего поселка я связался по телефону с Московским СИЗО номер 2. – Он сделал паузу.

– Что тебе там надо было? Почему через мою голову? – Хозяин был на грани срыва.

– Вас не было у телефона, действовал по обстановке. Местные товарищи вошли в наше положение. Короче, к нам едет Маршал. Через час-полтора они будут здесь. – Капитан замолчал, давая возможность начальству отреагировать должным образом. Среди спецназовцев и сотрудников администрации прокатился ропот.

– Так... – утробным голосом произнес Губин. – Ну и что это даст, по-твоему? – Последовала красноречивая пауза. Нарушил ее капитан Колосов.

– Я думаю, во избежание кровопролития следует немного подождать. Час-другой погоды не сделают. Если кто и сможет спустить пар и кончить дело миром, так это Маршал. Надо только нашей публике сказать, чтобы ждали и на стенку не лезли, им же хуже будет.

Хозяин коротко выматерился и махнул рукой:

– Ладно, Колосов, – злые, навывкате, белесые глаза начальника колонии смотрели на капитана в упор, – под твою ответственность, мать твою ети, имей в виду. А сейчас пойдешь и утихомиришь этих... – подполковник мотнул головой в сторону бурлящей жилой зоны. – Так и скажи: вот придет Маршал, он вас рассудит... Посмотрим, как это подействует.

– Есть, – буднично, по-солдатски ответил Колосов.

В бараке жилой зоны капитану не дали пройти дальше дверей.

² Снайперская винтовка Драгунова.

– Уйди, Колосов, – Саша Токарь, казалось, совсем сошел с тормозов. – Ты всегда уважал народ, и народ уважал тебя! Но терпеть беспредел вертухаев и сук из актива мы больше не будем. Если сегодня мы простим ментам и сукам Тунгуса, завтра нас всех поодиночке опустят или хором раздавят.

– Тунгус авторитетом был! – брызнул слюной из фиксатого рта Сашин сподвижник, квартирный вор Варлам. – Дуй, Колосов, к своим краснооколышным и пошли их от нашего имени!

Капитан слушал распаленных событиями зеков молча, давая выпустить пар.

– Вот что, Токарь, Варлам, – неожиданно жестко начал свою речь отрядник, когда бунтари немного успокоились, – а также все остальные! Проблема ваша серьезна, я имею о ней понятие! Только вот крови не хочется, ни вашей, ни пацанов из «Факела». Поэтому попрошу не лезть на наши заслоны и немножко подождать.

Зеки снова угрожающе зашумели.

– Час назад я договорился, сюда приедет Маршал...

Когда за Колосовым закрылась дверь, с минуты все молчали.

– А он нас, сука, не обманет? – мощный татуированный боец, именуемый Боксером, не мигая смотрел на старших, Токаря и Варлама.

– Колосов не сука. – Токарь сплюнул через плечо и огляделся по сторонам. – Надо ждать, пацаны! Иначе менты многих перемочат! Сила все же за ними.

– Утихомирились. – Хозяин устало разминал сигарету и морщил широкий лоб. – Но заслоны усильте, – обратился он к командиру «Факела». – Что творится, что делается, ети их мать! – причитал Губин. Радоваться было рано, однако на душе полегчало, появился шанс спустить ЧП на тормозах... Командир отдавал по радиостанции короткие команды, а Колосов молча сидел в дальнем углу штабной комнаты.

Так прошло около часа.

– Прибыли гости дорогие! – доложил с порога прапорщик из взвода контролеров.

И действительно, к штабному помещению подъехало два бронированных микроавтобуса. Первыми из них вышли рослые ребята в полумасках и камуфляже с эмблемами специального отряда быстрого реагирования МВД РФ. Профессионально оглядевшись вокруг и опустив короткоствольные автоматы дулом вниз, бойцы отступили в стороны, и тут из второго микроавтобуса вышли двое немолодых мужчин выше среднего роста, одетых в недорогие темные полуплащи. По роду своей деятельности оба они носили погоны. Тот, что повыше, с внимательным взглядом и короткой щеткой рыжеватых усов, Михаил Петрович Каменев, имел майорские на милицейском кителе, ибо уже почти двадцать лет прослужил в уголовном розыске. А вот у второго, белоголового, погоны были вытатуированы на плечах. Шикарные эполеты времен войны 1812 года. Это и был Маршал – вор в законе, признанный авторитет, причем не только среди криминального люда. Лицом Маршал был некрасив, но далеко не уродлив и чем-то неуловимо походил на актера Георгия Жженова (тоже, кстати, немало лет отмотавшего на зоне). Такие лица нравятся женщинам и внушают уважение мужчинам.

– Приветствую всех! – голос Маршала был низок и немного хриловат. – Оторван от важных дел: сижу в Бутырке по обвинению в вымогательстве. – Вор кивнул в сторону оперативника. – Поэтому перехожу сразу к делу. Хозяин! – Маршал вычислил Губина по количеству звездочек на погонах и начальственному выражению обрюзгшего лица. – Как сообщил мне ваш подчиненный, – деловым тоном говорил законник, – здесь пахнет большой мокрухой. Так? – И, не дождавшись ответа, продолжил: – Мое слово известно всем: мокрухи быть не должно! Пошли...

– Не бойтесь, что сбежит ваш Маршал? – поинтересовался командир «Факела» у милицкого майора, который доставил вора в колонию. Оба провожали глазами спину законника, который вместе с Колосовым двигался к жилой зоне.

– Не сбежит, – уверенно отозвался опер, раскуривая «Беломор».

– Ну у вас и уверенность! – областной спецназовец попытался подковырнуть милицкого майора.

– Не сбежит, – еще более уверенно произнес оперативник и продолжил: – Во-первых, он дал слово, а во-вторых, незачем ему бежать!

– Неужто так тюрьму любит? – вступил в беседу находящийся рядом молодой капитан из «Факела».

– А он выйдет через четыре дня, – ответил майор, пуская элегантные дымовые колечки, и тут же спросил: – Сегодня какое число?

– Двадцатое, – почти одновременно произнесли спецназовцы.

– Ну, точно. – Майор был невозмутим. – А двадцать четвертого он выходит. Это он сам со своим адвокатом так рассчитал и заявил следователю. А слово у него... – опер на минуту задумался, – недаром у блатных поговорка ходит: «Слово Маршала – закон!»

– Пацаны! Мне дали мало времени, поэтому быстро и по делу. – Маршал стоял в тесном кольце зеков рядом с Сашей Токарем и Варламом. – Что тут у вас?

Слово взял Саша:

– Маршал, вертухаи и активисты завалили Тунгуса...

– Что он отдал концы, я знаю. – Голос законника звучал бесстрастно, как у мирового судьи, человека мудрого и потому справедливого. – Мне сообщили, что Тунгус умер от сердечного приступа. Это был мой хороший кореш, и я знал, что сердце у него всегда сильно шалило. Так ты говоришь, менты и актив приложили к этому руки?

– ДПНК³ Скворцов придрался к нему не по делу и укатал в карцер. А потом явился туда пьяный с прапорами Барановым и Черненко, да еще пятеро красноповязочников к ним примазались. С восьми вечера до половины одиннадцатого гнули Тунгуса. Он их посылал все время, пацан из хозобслужки слышал, ну а те мочили Пашу дубьем, а потом притащили противогаз, напялили на башку и стали шланг пережимать. Паша к одиннадцати вечера и преставился.

– Да тут у любого бугая мотор лопнет, – зло добавил Варлам. – А Скворцов и прапора вообще звери, могут за ноги к потолку подвесить и окурки об задницу тушить...

– За эти слова отвечаешь? – резко развернулся к Варламу Маршал.

– На себе испытано, – скривился в беззубой усмешке Варлам, – могу показать...

– Верю, Варлам. А что же актив у вас такой херовый? – глубоко посаженные синие глаза Маршала налились металлическим блеском.

– Да это давно уж. Хозяин, а особо зам по режиму со Скворцовым лютуют. Хотят показать, что здесь они цари и боги! Всю мразь в актив согнали! Тоже красноповязочники: на воле кто малолетку отодрал, кто бакланил по мелочам, а главный старика-инвалида по пьяни прибил. – Саша остановился, чтобы перевести дух.

– Тунгус, ясное дело, восстал против такого беспредела! – продолжил Варлам. – Ну Скворцов с суками и решили его обломать.

– Понятно. – Маршал хрустнул пальцами и обвел взглядом стоящих рядом зеков. – А теперь слушайте мое слово!

Наступило молчание, и Маршал заговорил:

³ ДПНК – дежурный помощник начальника колонии.

– Ваши суки – мразь! Они все, вместе взятые, мизинца Паши Тунгуса не стоят! Насколько мне известно, двоих вы уже наказали основательно.

– Основательней некуда! – весело откликнулся какой-то зек из задних рядов.

– Это справедливо! И остальным активистам это послужит хорошим уроком! Я думаю, можно позволить им вернуться на зону. Ни в каком активе, конечно же, они состоять больше не будут.

Послышались недовольные реплики, но вскоре все смолкло, и Маршал продолжил:

– Мое правило известно всему бывшему эссесеру: мокрухи быть не должно! Вы молодцы, отстояли свое имя и не дали падали сесть вам на шею! Но все должно иметь предел, мы ж не беспредельщики какие-нибудь!

Бунтовщики одобрительно зарокотали.

– Поэтому бунт считаю законченным! Все расходятся по баракам! Никаких наказаний ни один из вас не понесет, это я вам обещаю! А Скворцова и этих двух вертухаев... Как говоришь их?

– Баранов и Черненко, – ответил Саша Токарь.

– Скворцова, Баранова и Черненко вы на зоне больше не увидите... Принято?

– Принято...

Сперва неуверенно, а затем все живее недавние бунтари разбредались по баракам.

– Держись, Сашок. – Маршал на прощанье обнял Токаря как близкого человека. – И в зоне все должно быть по-людски!

На выходе из барака к Маршалу протолкался Варлам, один из самых пожилых в блатной компании, державшийся особняком.

– погоди, Маршал, «базар» есть. Не хотел при всей коdle... Да и вообще не хотел говорить: доказать ничего не могу, но тебе скажу, а ты смотри сам. Короче, что-то чую я подянку какую-то. Вроде «стучит» кто-то из наших или ментам, или отморозкам.

– Ты, Варлам, сечешь, что ты сказал? – просипел Маршал сквозь стиснутые зубы. – За такой «базар» надо отвечать головой. Что ты знаешь?

– Тунгус знал. Его не просто так завалили. Он мне шепнул, что Скворцов знает о том, что на последнем московском сходняке решили общак перезатырить, но не знает куда и кто будет его держать. А ведь на сходняке были только свои, да что свои – были, считай, только законники и кое-кто из положенцев⁴... Я-то не знаю, что там решали, а Тунгус знал, вот из него и взялись выбивать. Что слышал, то сказал, дальше думай сам или забудь, а отвечать я ни за что не могу, сам видишь...

– Ладно, Варлам, об этом никому. Я сам разберусь. Ну будь, мне пора. – Маршал с каменным лицом, по-прежнему не разжимая стиснутых зубов, вышел из барака.

– Бунта нет, Хозяин. – Маршал непринужденно стоял перед Губиным, немигающе глядя в выпученные бесцветные глаза подполковника. – А теперь послушай и ты мое слово – и, выдержав паузу, продолжил: – Чтобы ни одного наказания ни одному пацану за давешнее. Ясно?

– А убитых из актива куда девать? – Хозяин был недоволен, тон Маршала его бесил, но главное, бунта как не бывало, и это заставляло Губина идти навстречу законнику.

– Хозяин должен быть умным и не спрашивать, как и чем ему подтираться. Спишите как несчастный случай. Или как с Тунгусом.

Губин молча проглотил сказанное.

– Ведь вы же лично за Пашу отвечать не имеете желания? – Маршал следил за реакцией Хозяина. Тот молчал, возразить было нечего.

⁴ Положенец (жарг.) – представитель интересов лидера преступного сообщества.

– Правильно! – Маршал поднял указательный палец. – Скворцов, Баранов и Черненко должны ответить. Так, кажется, звать ваших главных помощников? Куда вы их денете, ваш вопрос, но в бараки им больше дороги нет – без вариантов, хоть переводите, хоть выгоняйте, хоть изведите, как тараканов, но если братва их опять увидит, все начнется по новой. Вам это надо?

Губин попытался что-то произнести, но законник резко оборвал его:

– А уцелевшие активисты могут вернуться в зону. Их не тронут. Правда, они уже не активисты, а простые российские заключенные.

– Ну, хватит командовать. – В голосе Хозяина помимо неприязни звучало скрытое удовлетворение. В конце концов он отделался легким мандражем.

– Лично я бы на вашем месте извинился перед народом, – с издевкой произнес вор. – Но это дело вашей совести!

Через несколько минут бронированные милицейские микроавтобусы мчали Маршала к его нынешней резиденции – одиночной камере в Бутырской тюрьме, где он находился под следствием за вымогательство. Маршал молча смолил сигарету за сигаретой, собственная судьба его сейчас мало волновала, исход дела был предreshен, а вот как понимать сказанное Варламом... Если действительно кто-то стучит, значит, сыплется весь его мир... Нет, не может быть, ведь были только свои. Но отмахнуться и забыть тоже нельзя. Надо разобраться, а как?

– Слушай, Георгий Константиныч, тебе известен такой Ильдар в бакинской группировке? – спросил вдруг майор Каменев. – Он у Казыма Бакинского на подхвате.

– Я многих знаю, – процедил Маршал.

– У него родители в Москве или в Баку? Я слышал, он женился недавно?

Майор начал с нейтральных вопросов, надеясь разговорить Маршала: обстановка неофициальная, вместе сделали дело, которым каждый доволен, сейчас они вроде попутчиков в недолгой дороге...

– А тебе, майор, известен такой следак Миша Гомин в прокуратуре города? У него кто свидетели по делу Колуна?

– Ты что, Маршал, соображаешь, что спрашиваешь? И что за тон? Я тебе не Губин!

– Так и я вроде не на допросе. А тон... Ты майор, а я как-никак Маршал. Так что кончим на этом.

До Бутырки доехали молча.

Вечер следующего дня. Москва.

Парк культуры имени Горького, ресторан «Закавказье»

У немногочисленных посетителей парка этот ресторан не пользовался особой популярностью. Когда-то рядовая закусочная, он так и не достиг уровня элитных заведений для широкой публики. Совсем другое дело узкий круг хороших и очень хороших людей (качество определял сам хозяин). Для них находился скрытый от посторонних глаз столик в уютном интерьере, и еда была другая, и напитки, и, конечно, обслуживание. За одним из таких столиков сидел хорошо, но неброско одетый молодой человек, «приятный во всех отношениях», это был уже полнеющий усатый кавказец, ленивый взгляд которого ясно давал понять простому смертному, что тот червяк перед лицом сверхчеловека. Под столиком у левой ноги кавказца стоял неприметный черный пластмассовый «дипломат». Столик был накрыт на две

персоны, и вскоре появился второй, просто приятный, также начавший полнеть молодой славянин. Несмотря на штатское одеяние, опытный глаз сразу определил бы в нем служивого.

– Задержался у начальства, – как бы извинился вновь прибывший, поприветствовав ожидавшего его сотрапезника. – Ну как, сначала удовольствие, потом дело? Или наоборот?

– У нас положено сначала удовольствие, – кавказец в упор посмотрел на соседа и оскалится в улыбке. – Не возражаешь, дорогой?

– Зачем возражать, обичай хороший, – с невольным акцентом проговорил тот, стараясь попасть в тон собеседнику. – Особенно если тут чисто и мусора нет. Ты все проверил, дарагой?

– Я же тебя пригласил, считай, что ты у меня дома. Хозяина нехорошо обижать... Тебе чего налить?

Неспешно расправившись с изысками кавказской кухни, молодые люди приступили к тому, ради чего и оказались в этом симпатичном заведении.

– По нашим данным, у ваших «друзей» стволов поменьше, чем у вас, но аппетиты куда больше, – начал славянин. – А с выходом Маршала они собираются перейти к активным действиям против вас. Что конкретно они задумали, я еще не знаю, но наши люди работают, как только что унюхают, сообщу. Боюсь, что они готовятся применить силу, неизвестно только где, когда и как именно...

– Так ведь Маршал вроде из этих, старых законников, которые рук марать не любят, а дают своим авторитетом, думают, их слово и для нас закон, а мы Беломорканал не строили и не собираемся...

– Это он для понта, сам понял, что времена совсем не те, а вы и поверили... Смотрите, объе...ут они вас, мое дело предупредить и дать расклад, а дальше дело ваше, можете вообще слинять им на радость.

– Значит, война? – резко, но спокойным тоном начал кавказец.

– Очевидно, да. – Славянин выглядел еще более спокойным, почти флегматичным.

– Хорошо... – Настроение кавказца поползло резко вниз, оскал уже совсем не походил на улыбку.

– Не ядерная, уцелеете, – попытался взбодрить своего визави славянин.

– Мы-то уцелеем, – мрачно процедил кавказец, – но эти псы умоются кровью, если начнут.

– Они не дети малые, если начнут, то и ваших немало положат. Такова се ля ви, естественный отбор, – философски произнес славянин.

– Я своих не подставляю, мои люди считанные и как бараны под нож не пойдут. – Кавказец немного помолчал и продолжил: – Придется набирать отморозков. Расходы.

– Правильно. Одобряю! Нанимай уральских, а еще лучше донецких. Возьмут немного, зато отморожены на всю голову. По нашим данным, ихняя бригада пару недель без серьезных дел по столице шляется.

– Благодарю за совет, – за все время беседы кавказец первый раз улыбнулся. Улыбка получилась жутковатой. – Ну ладно, давай остальной расклад; мы главное знаем, людишки их на виду, хаты известны, но что-то, может, мы и не сечем, так что давай, доблестная и краснзнаменная, колись, сверим, кто больше в курсе, а? – обратился он к славянину.

– Вечером деньги, утром стулья, – ответил крылатой фразой славянин. – Если не подходит, деньги утром, но стулья будут только вечером.

– Не волынь, «капуста» у твоей правой ноги в «дипломате». Уйдешь – заберешь, совершь – ответишь, ты наш закон знаешь.

– Не пугай, не первый раз. Слушай и мотай на свой красивый ус...

Оказалось, что доблестной и краснознаменной об оппонентах кавказца известно куда больше, чем он ожидал, новые знания его огорчили – противник был неслаб, даже очень неслаб, но главным оказалось то, на что кавказец и не надеялся: его собеседник намекнул, что в стане противника у него (не у азербайджанской группировки, которую представлял кавказец, а у него лично) есть единомышленник, и не простая пешка, а из влиятельных, за которым пойдут другие. Это открывало совсем другие перспективы...

– Еще два вопроса, – кавказец явственно ощутил, как за спиной отрастают ну прямо орлиные крылья. – Надо сделать так, чтобы доблестная и краснознаменная не путалась у нас под ногами, когда мы начнем. Ты это сможешь? У тебя есть там канал? – Он поднял указательный палец к потолку.

– Не бойсь, она будет как та обезьянка: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. Но для этого надо сам знаешь что, и не столько, сколько у тебя под столом. А канал у меня надежный, осечки не будет, и мочите, ребята, друг дружку как можно больше и основательней! Шучу, шучу – усмехнулся представитель краснознаменной, заметив, как надулись желваки у собеседника. – А второй вопрос?

– Смотри, дарагой, дошутишься, – акцент кавказца стал заметнее, ему все труднее становилось сдерживать ненависть и презрение к этому подонку, продававшему своих однокровников и свою Контору, но пока что многократно окупавшему все расходы. – Второй вопрос такой: нам нужна хорошая «крыша» на самом верху, чтобы пристроить бабки, не мелочь, с мелочью мы управляемся сами, я говорю о *больших* бабках... Короче, нам нужен свой банк, из тех, что в первой десятке, чтобы туда нос не совали все, кому не лень, ты меня понял? Это твой канал может?

– Я тебя понял, и канал мой... – славянин поднял палец к потолку, копируя жест кавказца, – канал мой много чего может. Здесь вам, ребята, светит вариант, который вам и не снился, но это... Тут я должен быть в доле, такого вам без меня сто лет не найти...

– Ладно, давай свой вариант, если дело стоящее, бедняком не помрешь, – обнадежил кавказец, добавив про себя: «Хотя помрешь обязательно и, похоже, скоро»...

Через четверть часа кавказец, расплатившись, ушел.

Тот же день. Москва, Шаболовка, 6.

Региональное Управление по борьбе с организованной преступностью по г. Москве

Старший оперуполномоченный по особо важным делам майор милиции Каменев ждал уже около часа. Зам. начальника РУОП полковник Громов сказал, что примет его через пять минут, но наручные часы майора показывали, что прошло уже пятьдесят пять. Михаил Петрович промокнул носовым платком лысину, хотя на улице было прохладно, ему стало жарко. Наконец дверь начальственного кабинета распахнулась, и Громов пригласил Каменева на беседу. Несмотря на аристократическую дворянскую внешность – высокую, стройную фигуру с гордой осанкой, седую голову и тонкие черты узкого смуглого лица, большую часть своей жизни Громов посвятил занятиям неблагородным: ловил жуликов, расхитителей, бандитов и тому подобную публику. С Каменевым его связывала долгая совместная работа, со временем перешедшая в дружбу.

– Извини, Миша, тут у меня трудный разговор был с налоговыми органами, сам понимаешь, прерывать неудобно, – полковник убрал в сейф бумаги и уселся напротив Каменева.

– Игорь, говорю прямо: Москва на пороге бандитской войны, – голубые глаза майора смотрели в упор, не мигая.

– Это точно? Источники надежные? – Игорь был опытным опером и быстро сориентировался.

– Источники, откровенно говоря, погань последняя, друг друга продадут, не моргнув глазом, но... – начал Каменев.

– Тогда это не разговор, – оборвал его Громов. – «Москва на пороге войны» – это тебе шутки? Домыслы это одно, факты – другое. Лекцию об основах ОРД⁵ тебе читать? Раз пришел, говори все. Не доверяешь, ступай и пиши рапорт в Главное управление. – Громов был резок, но отходчив.

– Игорь, не пыли, дело серьезное, – как ни в чем не бывало продолжал Каменев. – Кое-кто хочет сравнить кавказские и славянские группировки и устроить серьезное мочиловое. Я сейчас разрабатываю одного из приближенных Маршала, есть у них такой авторитет... Так вот, он встречается по-дружески с людьми, с которыми нормальный бандит встречаться не должен, а из их речей следует, что готовится большая война. Будут взрывы, расстрелы и все сопутствующее. Пострадают невинные люди, в результате криминогенная ситуация окончательно выйдет из-под контроля. Это само по себе ЧП, но есть в этом деле одна деталь, такого дерьма у нас вроде раньше и не бывало. Кое-кому у нас в Конторе это, оказывается, на руку, слушай внимательно...

Разговор бывалых оперов продолжался еще около часа. Затем Громов сказал:

– Я верю тебе, Миша, хотя, возможно, ты что-то преувеличиваешь, но это даже хорошо. Придется этим заняться серьезно. Не уверен, что нам такое по зубам, однако надо что-то делать. У тебя что сейчас в разработке?

– Автостоянка. Дело о группировке, перепродающей угнанные иномарки.

– Вот ею пока и занимайся официально. А сам тем временем продолжай разработку своего авторитета, постарайся идентифицировать его контакты. Понимаешь, нужны факты, причем неоспоримые. А я свяжусь с подразделениями по борьбе с бандитизмом и задам пару наводящих вопросов смежникам из ФСБ. Вечером зайди, поговорим.

Возле своего служебного кабинета Каменев обнаружил переминающегося с ноги на ногу коротко остриженного коренастого парня лет двадцати. Бритый затылок, широченная спина, мощная шея и бицепсы, крепкий подбородок, позолоченная цепь на шее явно указывали на его принадлежность – урка, причем из начинающих, больно простодушно глазами лупает, наверное, простой боец, низшее звено какой-нибудь банды, определил майор. Странно, такие сюда попадают только под конвоем...

– Вы майор Каменев? – неожиданно робким голосом спросил посетитель.

– Я-то Каменев, а вот кто ты и как сюда попал, это вопрос! – майор вставил ключ в замочную скважину и открыл кабинет.

– Я Пушкарев, – неуверенно продолжал парень, видимо, не ожидавший от хозяина кабинета столь агрессивного тона. – Из Высшей школы милиции, прикреплен к вам на практику.

– Тьфу, е-мое... – хлопнул себя по лысому темечку Каменев. Он совсем забыл, что вчера ему звонили из милицейской школы и предупредили о прибытии слушателя-практиканта. Михаил Петрович пытался отбиться от ненужного ему в данный момент педагогического поприща, но милицеское начальство было неумолимо. В приказном порядке велено передавать опыт подрастающему ментовскому поколению.

– Ну заходи, практикант, – жестом пригласил слушателя майор. – Как зовут-то тебя?

⁵ ОРД – оперативно-розыскная деятельность.

– Александр, – парень уже не смущался, ел глазами начальство и был готов с ходу применить на практике накопленный теоретический багаж.

– Михаил Петрович, – пожал майор широкую, как лопата, ладонь Пушкарева. – Ты, Саня, машину водишь?

– У меня профессиональные права, – гордо отрапортовал практикант. – Могу рулить любой тачкой, кроме танка и бронепоезда!

– Ну надо же, как мне с тобой повезло. Держи ключи! – майор протянул Пушкареву брелок. – Вон мой автомобиль, самый крайний, – Каменев показал в окно на руповскую автостоянку, – разогрей двигатель и жди меня. Я тут быстренько рассую кое-какие бумаги и подойду. Действуй!

Саня, повесив брелок на указательный палец, направился к выходу.

– Только не перепутай, – добавил вслед майор. – Там рядом машина командира СОБРа, тот сначала бьет, а потом спрашивает документы.

– Не перепутаю, – весело откликнулся Саня. Каменев усмехнулся, ну и молодежь пошла, ему бы золотую фикса и брюки на три размера больше, и можно в кино показывать, типичный бычок при бандитском авторитете, чем его заманили в школу милиции, непонятно, сейчас такие шкафчики нарасхват...

Минут через десять Каменев уселся рядом с водителем.

– Посмотрим, как ты знаешь Москву, – майор назвал адрес.

– Четверть часа, и мы на месте. – Саня крутанул руль, и они выехали с территории РУОПа.

– Едем опрашивать потерпевших, – пояснил суть поездки Каменев и начал вводить слушателя в курс дела о торговле угнанными иномарками. Бремя педагогической деятельности уже не казалось столь несвоевременным и невыносимым. Пушкарев же был просто в восторге от такого начала, он слышал немало разговоров о том, что на практикантов сваливают бумажную работу, которой он боялся как огня и готовился отбиваться от нее до последнего, а тут с ходу за руль, и мчимся выполнять оперативную работу! Это был кайф, это было круто! Если бы он знал, *насколько* круто это окажется...

Через 15 минут.

Фирма «Лондон-сервис»

Потерпевшим оказался темпераментный азербайджанец Гасан, президент фирмы «Лондон-сервис». В Лондоне он никогда не бывал, но по телевизору видал, что город приличный, автомобилей на улицах невпроворот и сплошь крутые иномарки, ну совсем как у него в сервисе. И звучит хорошо, особенно если ударение на последнем слоге: Лондон. Вышекает как-то. Кое-кто из персонала пытался приспособить очевидную рифму, но Гасан самородных поэтов пресекал сурово, и погоняло вслух не произносилось.

Президент принимал Каменева и Саню в своем кабинете, обставленном, как ему казалось, в лондонском стиле: толстый бельгийский ковер на полу, кожаные кресла, стол чуть поменьше бильярдного, вместительный бар, блондинистая секретарша килограмм на девяносто – весьма аппетитная и к кому надо весьма приветливая. С майором президент встречался не в первый раз, когда-то Гасан Такоев был не в ладах с законом, однако сейчас отдалился от преступного мира и переквалифицировался в бизнесмены, дела вел солидно, вполне легально. Возможно, у него и было что скрывать от налоговых органов, но данный вопрос не входил в компетенцию РУОПа.

– А-а, Михал Петрович, – Гасан приветствовал майора стоя, улыбаясь во все тридцать два зуба, в большинстве фарфоровых. Собственные он потерял в разборках во времена тревожной молодости. – Какой гость, какой гость... Вижу, что здоров и весел, рад за тебя. Чай, кофе, коньяк? Коньяк не надо, только кофе? Мариночка, детка, сделай нам... Что, и кофе не надо? Обижаешь, Михал Петрович. Ну, смотри сам. А кто это с тобой такой молодой и красивый? Практикант? Помогает тебе ловить этих позорных тварей, ворующих у меня автомобили? Или взяли уже?

– Тварей скоро возьмем, а вот с твоим автопарком хуже... – ответил Гасану Каменев.

– Что хуже? Хочешь сказать, что не можешь найти мои тачки?

– Две твоих «Ауди» я нашел, их продали в Смоленскую область, наши ребята там не даром свой хлеб с маслом едят, отловили красавиц. Скоро вернем. А вот остальные три, в том числе дипломатический «Мерседес», пока ищем.

– Когда возьмешь этих шакалов, отдай их мне на пару дней, Михал Петрович, – как все дети гор, Гасан говорил горячо и зажигательно. – Клянусь, они вернут все, что украли, даже свои отдадут и чистосердечное признание тебе напишут.

– Я, в общем, не против, Гасан, да вот прокурор может не понять. – Каменев достал авторучку и блокнот. – А пока нам нужно уточнить кое-какие подробности....

Внезапно их прервал голос секретарши из селектора:

– Гасан Рустемович, вам звонят из дома, просят срочно соединить!

– Вай, Марина, я же просил не беспокоить! У меня гости из милиции...

– Что-то случилось, Гасан Рустемович! Ваша супруга взволнована и очень настойчива! – в голосе секретарши звучала тревога.

– Ну соединяй! – махнул рукой Гасан и снял трубку. Лицо его изменилось на глазах. Застонав, он произнес короткую фразу на азербайджанском языке, повесил трубку и закрыл побледневшее лицо руками. Опытный в подобных ситуациях Каменев не торопил событий. Около минуты Гасан просидел молча, потом пробормотал что-то на родном языке и наконец произнес:

– Только что какие-то шакалы взорвали моего двоюродного брата. Он садился в машину, прямо под нашим окном, потом вылез, зачем-то открыл капот, и машина взорвалась. А в ней сидели его жена и двое детишек. – Такоев отнял крупные ладони от лица и тихо произнес, глядя в лицо Каменеву: – Пока ты занимаешься ерундой, моего брата и дорогих племянников разорвало на мелкие части... – азербайджанец замолчал и снова закрыл лицо руками.

– Поехали, – скомандовал Каменев Сане. – Извини, Гасан.

Адрес они узнали у секретарши.

Москва, Ломоносовский проспект.

Место преступления

Еще издали зоркий глаз майора Каменева разглядел долговязую фигуру полковника Громова. Заместитель начальника РУОПа как бы возвышался над мирской суетой, а вокруг него носились оперы из отдела по расследованию взрывов, следователи из прокуратуры, женщины-эксперты и прочие ребята, кому положено. Каменев сжал зубы. Картина, десятки раз виденная, и все же привыкнуть к этому невозможно, внутри все сжимается, а тут еще известно, что пострадавшие – женщина, детишки. Вот тебе и опрос потерпевших...

Место преступления было оцеплено бойцами ОМОНа.

– Подождешь в машине, – бросил Каменев практиканту и хлопнул дверцей.

Возражать Саня не решился. Подперев увесистыми кулаками подбородок, Пушкарёв вначале созерцал действия правоохранителей, вспоминая похожие картинки из учебника по криминалистике, но скоро стало невмоготу – какая же это практика из окна автомобиля? Страшновато, конечно, а надо хоть краем глаза...

Пушкарёв, заперев машину, двинулся к оцеплению, зажав в кулаке свое удостоверение. Миновав омовский кордон, Каменев направился к Громову.

– Началось, б... – с деланным спокойствием констатировал Игорь. Аристократическая внешность не ограничивала его в выборе выражений, когда он волновался. – Потерпевшие азербайджанцы, ты будто накаркал утром.

– Надо же такому случиться... – майор огляделся вокруг.

– Полный беспредел: жену и детишек в ключья, – продолжал Громов. – Самого-то ладно, у него уже 77-я,⁶ можно сказать, на лбу сияла.

– Чем их? – поинтересовался Каменев.

– Взрывотехник из ФСБ сказал, что простой миной. Без особых ухищрений, ночью открыли капот и заложили. Утром стал заводить, не заводится. Не сообразил, что за дела, полез под капот. Тут и рвануло. А в салоне жена с двумя детьми была.

– Что же у него машина ночью без сигнализации была, подходи кто хочешь?

Полковник криво усмехнулся:

– Он же себя большим авторитетом считал, врагов вроде не заводил, подвохов не ждал. Полагал, что к его тачке никто и близко не подойдет. Переоценил, стало быть, свою критику...

– Да, пожалуй, даже бравировал: «Меня все знают, и тачку мою тоже, зачем мне сигнализация». Поэтому об отсутствии сигнализации знали многие.

– Кому надо знать, знали. И все же ясно, что это не мелочь пузатая порезвилась. Похоже на войну, дай бог, чтобы я ошибся. Отойдем...

Переместившись на приличное расстояние, оперативники продолжили разговор.

– Непонятно вот что, Миша, – начал Громов. – Если это война, выходит, первыми выступили славяне, а им это вроде бы и ни к чему. Во-первых, смертельных обид им последнее время не наносилось, а во-вторых, Маршал завтра выходит, зачем им в такой момент начинать, они же знают его отношение к подобным делам. Следовательно, провокация. Любимая шутка для тех, кто ищет повод для большой драки. Вспомни, почти все войны начинались с провокаций. Но чтобы азеры взорвали своего, да еще с семьей, нет, на них непохоже. Непонятно.

– А по-моему, как раз наоборот, слишком понятно, – без излишней дипломатии продолжил Каменев. Он был всего лишь майором.

– Раз так, говорю открытым текстом: нам с тобой это дело не по зубам! – Игорь тоже отбросил дипломатические изыски. – Или ты вчера на свет родился? Вроде непохоже. Надо идти на самый верх, только оттуда можно организовать операцию нужного масштаба. Иначе это будет подковерная война среди своих, а этого нельзя делать, сам понимаешь. А чтобы идти наверх, нужны факты, имена, доказательства. Посему продолжай, как договорились.

– Чтобы действовать с толком, нужны люди, и не с бору по сосенке, а лучшие из лучших, на хороших колесах. Собирать факты, тем более документальные, на профессионала – сам знаешь, чем пахнет... Среднячки здесь не подойдут, нужны асы.

– А вот с людьми плохо, – полковник помрачнел, – ты прав, любого не поставишь, суть даже не в квалификации, тут годится только тот, кому веришь, как себе, а сейчас времена

⁶ 77-я статья УК РСФСР – бандитизм.

такие, что и себе не всегда поверишь... Нет, ни одного подходящего человека под это дело у меня пока нет.

– А Сергея Сомова куда забрали? У меня ведь на нем вся разработка этого бандита держится, поскольку он молодой и пока незасвеченный, мою-то лысину, считай, все московские бандиты знают...

– Ну уж и все... Гордыня – главный грех у христиан, не забывай. А Сергей с утра отозван на суперсекретное обеспечение безопасности каких-то мероприятий по линии министерства. Скорее всего, организация охраны народных избранников от избравшего их народа. Вернется, боюсь, не скоро.

– Черт, – не сдержался Каменев. – Выходит, я пока один?

– Можешь отказаться и продолжать работать по автостоянке.

– Значит, один, – тоскливо повторил майор.

Они двинулись к машине Каменева, работы возле взорванного автомобиля и четырех изуродованных трупов для них не было.

– А кто это у тебя за рулем? – Игорь разглядел Саню Пушкарёва. Тот сидел бледный, лоб влажный, рот страдальчески перекошен, ботинки в разводах – с них что-то пришлось очищать, обоняние однозначно подсказывало, что именно.

– А-а, – усмехнулся майор, – практикант из Высшей школы. Что, Саня, не утерпел, поинтересовался? Вон, в ларьке кока-кола есть, пойдёшь хлебни и быстро назад, ехать надо.

– Я в порядке, уже хлебнул, – Саня попытался лихо усмехнуться.

– Ну вот видишь, какой кадр у тебя, и уже хлебнул. Считай, прошел обкатку, так что вы теперь самостоятельная боевая единица, важно ввязаться в бой, а там и подкрепление подойдет! Да, и вот такой момент – завтра из тюрьмы выходит Маршал. Ты же его хорошо знаешь, пожалуй, он как раз самая нужная здесь фигура. Только осторожнее с ним, вор есть вор, и место его – в тюрьме, как известно. Ну, езжайте. Помни, вечером у меня...

На Шаболовку возвращались молча. Каменев обдумывал, с чего начать непростое и непривычное дело, а Саня не решался его беспокоить.

– Саня, – тихим голосом начал разговор Каменев. – Тебя чего ко мне-то прикрепили?

– Сказали, вы опытный...

– Понятно, – майор вздохнул и снова замолчал.

«Ох, Саня, Саня... Куда же мне тебя деть?» – думал Михаил Петрович. Работа по установлению тайных связей криминального авторитета резко осложнила жизнь, и без того непростую. Ввязывать Саню нельзя категорически, это чревато катастрофой и для работы, и для Сани. Надо любыми средствами возвращать в строй лейтенанта Сомова.

Москва, вечер 23-го.

Квартира Громова

– Ну, будем... – Каменев опрокинул стопку отечественной «Смирновской» на можжевеловый лед. В меру охлажденная, она прошла, как говорили когда-то, соколом. Закуска – маслины, маринованный чеснок, рыночные помидоры «бычье сердце» и селедочка с маслом и луком. Кто-то, может, поднимет бровь: а почему не семужка слабосоленая? Семужка, конечно, хорошо и даже прекрасно. Однако, во-первых, на ментовскую зарплату семужкой можно баловаться по редким праздникам, а во-вторых, хорошая жирная селедочка пряного посола, аккуратно разделанная, с лучком и свежим маслицем – да не уступит она семужке, и

уж точно оставит позади сухую, жилистую и обычно пересоленную холоднокопченую осетрину или стерлядку. Особенно под водочку.

Громов, на правах хозяина ограничившись полустопкой, с удовольствием наблюдал за Михаилом, смакующим закуску. Их встречи на квартире у Громова, случавшиеся раз в две-три недели, а то и реже, стали традицией. Оба холостяки (Громов так и не был женат, у Каменева жена умерла несколько лет назад), они устраивали себе тихие праздники и получали от них большое удовольствие, хотя люди были совершенно разные.

Громов должен был родиться по крайней мере графом лет полтора-два назад, и не обязательно в России, но ухитрился появиться на свет в приснопамятном 37-м году на Кропоткинской улице в Москве, отец – архитектор, мать – музыкант-аккомпаниатор. Он с детства любил хорошие вещи, хорошие книги, хорошую еду, когда стал постарше – интересных женщин; полковник подпускал к себе очень немногих людей. Игорь неплохо владел английским, хотя осваивал его самостоятельно: спецшкола тогда не было, а на платных курсах шла та же долбежка грамматики. Громов совмещал полезное с приятным: читал английские детективы в подлинниках, слушал живую речь на учебных грамзаписях, которые мать привозила с зарубежных гастролей.

Английские детективы, приобщив отрока к языку, имели тяжелый побочный эффект, похоже, именно они подтолкнули его к роковому решению пойти на юрфак, а оттуда в милицию. Родители делали вид, что уважают выбор своего повзрослевшего чада, тая в душе обиду, если не отчаяние. Особенно огорчалась мать, ведь Игорек легко, без принуждения окончил детскую музыкальную школу, позднее с удовольствием часами фантазировал за пианино (ноты он не раскрывал с того дня, как окончил музыкалку), а в студенческие годы увлекся гитарой, став душой компании тащившихся от музыки.

Музыка превратилась в хобби, Игорь же стал хорошим ментом и мог бы сделать куда более впечатляющую карьеру, если бы не отвращение к обязательной в такой ситуации норме поведения: постоянное взвешивание своих поступков, слов, предпочтений, готовность стелиться перед начальством и такая же готовность вовремя подставить начальство, если его кресло закачалось; восприятие соседа по кабинету как конкурента... К подобным вещам Игорь инстинктивно относился так же, как к грязным ботинкам.

– Миша, оставь местечко для главного номера программы. – Игорь, улыбаясь, глядел на приятеля, дожимавшего селедочку и помидоры. Кулинария, высокое искусство, не терпящее спешки и неряшливости, стало вторым хобби полковника.

– Не бойсь, Игорек, разве я когда обижал тебя отказом? – Нигде Каменев не предавался чревоугодию с таким сладострастием, как у Игоря. В ресторане так не приготовят. И потом в ресторане ты не столько ешь, сколько отбываешь мероприятие, даже если собрался сугубо своей компанией. Сама обстановка – посторонние, официанты, запах вчерашнего сигаретного дыма и позавчерашнего сыра, терзающая уши музыка – лишала еду вкуса. А дома у майора еда была на десятом месте. Он жил в трехкомнатной квартире с дочерью и двумя внуками. С мужем дочь рассталась по обоюдному согласию два года назад: неплохо устроившись ради хороших денег и престижа в фирму, торгующую компьютерами, тот счел, что дочь мента для него – мезальянс, стал попивать, погуливать, тестя-милиционера в упор не видел, короче, все вздохнули с облегчением, когда молодые разбежались, разменяв квартиры, а дочь съехала с отцом.

Дочь, естественно, пошла работать, от внучек пребывание в детсаду требовало не меньшего напряжения, чем от взрослых служба. Образом жизни был перманентный цейтнот, обходились колбасой, яйцами и пельменями. Каменев о женитьбе, а дочь о замужестве пока не думали.

– Давай тарелку, Миша. – Друзья сидели на кухне – она была достаточно просторной, все было под руками. Главным номером программы Игорь занимался перед самым приходом друга не меньше получаса: два огромных, толщиной почти в три пальца, куса говядины, слегка обжаренных на сухой сковороде и затем долго тушившихся между слоями овощей и ломтиками черного хлеба с горчицей, залитыми полубанкой светлого пива, дошли до готовности точно в срок. Бутылка «Смирновской» опустела, когда гора еды еще лежала в тарелке, но майор знал – открыть вторую хозяйин не позволит, как не позволит и начать разговор о делах до кофе, к которому по традиции переходили спустя 15–20 минут после завершения обеда.

– Сомова я все же верну заниматься делом, – гость закурил любимые «LM». Из кухни друзья перешли на застекленную лоджию, расположившись с кофейником за крохотным столиком у открытого окна.

– Миша, не пори горячку, и парня подставишь, и сам выговорешник схлопочешь.

– Не, я по-умному, я уже с ним договорился.

– И как, если не секрет?

– Почему секрет, все законно. Приступ этого... кгм... аппендицита, или еще чего, пусть сам думает, у него участковая врачиха – ну, очень хорошая знакомая, даст бюллетень, а то и в больничку наладит. В конторе он не появится, будет вести этого бригадира, связь – телефонная.

– Ну смотри. Чтобы об этом никакой болтовни, и я ничего не знаю, естественно.

– Само собой. У нас ведь как: чтобы дело не делать, а то и вред приносить, вплоть до воровства – это запросто, закон тебя здесь защитит, народ поймет и не осудит. А если кто дело делает, так по морде схлопотать первый на очереди, и все смотрят, как на дурака...

– Ну, Миша, завел свою любимую песню. Давай лучше о деле.

– Я как раз о деле. За Сережку Сомова побаиваюсь. И не того побаиваюсь, что его какой-нибудь мудака из наших бюрократов засечет – плевал я на них, а вот как засекут его те, кого он водит. Эти его чисто уберут на следующий день, с концами и без вариантов, вопрос только – отправят на тот свет быстро или же поизгиляются сначала. Он ведь один, машины, правда, меняет, но и они не дураки, здесь только дело времени, рано или поздно его вычислят обязательно... Нужны еще люди, Игорь.

– Миша, я понимаю. Откуда я их возьму, ведь мы же работаем по этому делу нелегально, официально я никого послать не могу, тем более просить у Пахомыча... Надо искать добровольцев на стороне, найти, в принципе, можно, из наших же старых кадров, но хорошим спецам надо хорошо платить, а где я возьму? Все же найду и людей, одного-двоих, и бабки, однако на это нужно два-три дня. Ну не могу я тебе их из кармана вынуть, вижу, что надо, но у меня нету вот прямо сейчас.

Николай Пахомович Орликов, в обиходе Пахомыч, был главой РУОПа, непосредственным начальником Громова. Вступивший уже в пенсионный возраст, но крепко сидящий в своем кресле благодаря аккуратному и экономному расходованию сил по принципу: лучше не получить орден, чем получить пулю от бандита или пинок от начальства. В управлении давно сложился негласный расклад – начальник определяет стратегию, обеспечивает контакты с многочисленными вышестоящими чиновниками, дает ценные указания и не лезет в повседневную оперативную работу, для этого у него есть замы. Громов, самый работающий и потому самый нагружаемый, нередко брал на себя то, что должен был бы делать Пахомыч, кроме распределения людей. Кадровые вопросы Орликов решал сам, и, если кто-то из замов превышал в этом отношении свои полномочия, демонстративно менял решения подчиненных на обратные, не обращая внимания на пользу дела. Такое статус-кво всех более или менее устраивало.

– Есть у меня вариант... – Каменев замолчал.

– Ну давай, не тяни, хотя я знаю твои варианты.

– Этого еще не знаешь, и боюсь, ты меня не поймешь. Надо сообщить Маршалу. А он найдет людей, бабки и меры примет сразу. И снимет проблему так, как снимал ее когда-то товарищ Сталин – быстро и окончательно.

– Ну вот. Я так и знал. Может, ты еще с ним, с вором в законе, совместное предприятие учредишь по очистке бандитских и ментовских рядов от чуждого элемента – перерожденцев и матерых двурушников? Он Маршал, ты у него генерал-майором станешь, и звание выше, и в зарплате прибавка...

– Игорь, ты не язви, а подумай головой. Я все...

– Это ты, друг ситный, подумай головой, – перебил Громов. – Он вор, и если ты настолько глуп, что готов с ним вести общие дела, то он не такой дурак, чтобы вести общие дела *тобой*. Ты для него мент поганый, ему с тобой говорить запаadlo, не то что общие дела делать. Он сразу это определит как провокацию и будет верить своему бригадиру больше, чем раньше. А если что и узнает, тебе так просто не отдаст, твое идиотское дон-кихотство нашей Конторе боком выйдет. А сам сорвет заслуженные аплодисменты воровского сообщества, и смеяться над нами, над тобой, будет вся воровская Москва. Так?

– Не знаю, Игорь, может, и так. Однако в душе я считаю иначе. Ты понимаешь... Вот я смотрю на шустриков сегодняшних. На тех, кто сейчас в политике и экономике ворочает. В том числе нами, ментами, руководит на высоком уровне. Скажи, у них есть, ну... Понятие о чести, говоря высоким штилем, а? Есть хоть какие-то моральные заповеди, которые нарушать нельзя не из страха, что погоришь, поймают за руку, а из внутренних убеждений? Нету у них таких понятий. Даже у попов теперешних нету.

Какие-то устои сохранились, вопреки всему, у среднего звена среднего возраста, кто пашет последние годы перед пенсией, вроде нас с тобой. А самый строгий моральный кодекс сейчас знаешь у кого? Да у воров в законе. Правда, и у них пошел разброд, этот кодекс не чтут, как было в эпоху Беломорканала. Но он есть, этот кодекс. Лично обогащаться – запаadlo. Мокруха без воровского приговора запрещена. За свои слова держи ответ. Скурвился, потерял честь – потерял все. Вот тебе и построили демократию: строго чтут свой закон, свою идею только воры-профессионалы.

– Миша, прекрати, ты же сам не веришь в то, что несешь.

– Ну, в общем-то, я преувеличиваю, конечно. Вор есть вор, и место ему в тюрьме. И все же обидно. Почему вор свое воровское достоинство блюдет строже, чем наш средний честный труженик, так сказать... Ты бы посмотрел, как наш брат с Маршалом общается – чуть ли не как с настоящим маршалом.

– Ладно, честный труженик, хватит вести подрывные речи, пошли посуду мыть. Или ментовское достоинство не позволяет? И о выходе на Маршала забудь. Пока, по крайней мере. С тем, что у тебя на его бригадира сейчас есть, ты просто будешь терять то самое ментовское достоинство. Согласен?

Майор промолчал – начальник был, как всегда, прав.

Москва, утро 24-го. Следственный изолятор № 2, в просторечии Бутырка

Одиночная камера особого блока

– Георгий Константинович, заказы и пожелания будут на сегодня? – в окне-кормушке возникла круглая физиономия молодого контролера. В СИЗО Маршала называли по имени-отчеству. По иронии судьбы, он был полным тезкой маршала Жукова.

– Нет, Юра, я же выхожу сегодня, – законник занимался водными процедурами, раздевшись до пояса у раковины.

Контролер мягко закрыл «кормушку» и недоуменно пожал плечами. В конце концов, он всего лишь сержант, маршалам видней, кто когда выходит.

Маршал обтерся махровым полотенцем и приступил к бритью. Все это делалось автоматически, предстоящий выход на волю не занимал его мысли. В голове гвоздем сидела фраза Варлама: «Вроде „стучит“ кто-то из наших или ментам, или отморозкам...» Прошедшие две ночи Маршал почти не спал. «Стучали» и раньше, это бывало. Рано или поздно стукачи засвечивались, с ними поступали по закону. Однако то были стукачи не из своей среды, а всякая шушера – базарные алкаши, официанты, гостиничные или вокзальные шлюхи, да мало ли кого менты могли прижать одноразово или держать как сексота: случайно кто-то из них что-то где-то видел или слышал и за ничтожную мзду или отмазку от мелких грехов передавал ментам... В сумме эти утечки давали ментуре немало, но ничего особо важного – за редким исключением. Здесь было другое, что-то такое, за что прикончили Тунгуса. Варлам мог и ошибиться, хотя на него непохоже. Он знал, что после его заявки «деловой мир» вокруг Маршала заживет по-другому, начнется скрытая, но жесткая работа, проверки, подставы, хитроумные ловушки, многие пострадают зря... Теперь у Маршала нет важнее дела, именно он должен задумать и пустить в ход проверки и подставы, а на кого опереться хотя бы в самом начале?

Неожиданно «кормушка» вновь отворилась, и в окошке нарисовался офицер из оперативно-режимной части, по блатному говоря – кум.

– Доброе утро, вот возьмите, – кум протянул в окошко мобильный телефон и исчез.

Разговоров на сегодняшнее утро Маршал не планировал, тем не менее быстро добрился. Через несколько минут раздался звонок и в трубке прозвучал голос Штурмана, одного из наиболее преданных соратников.

– Маршал, это Штурман, творятся поганые дела.

– Давай по существу!

– Два часа назад расстреляли Тараса. Прямо в квартире, вместе с любовницей, – Штурман перевел дух.

– Дальше... – поторопил его Маршал.

– Из автоматов. Говорят, видели около его дверей двух абреков. А про давешний взрыв слышал? Как Такоева младшего размазали по стенкам со всем семейством?

– Слышал, – законник вздохнул. – Ну и новости у тебя, Штурман. Еще что?

– Маршал! Ты что, не врубился? Никто из наших не замазан во вчерашнем взрыве, это исключено, я бы знал, а они, падлы, суки черные, на нас его свалили и сделали Тараса. Я повторяю, двух черных видели у его дверей. Это беспредел! Спускать такое нельзя, пацанов не удержат, я сам пойду...

– Вечером обсудим, не забудь: около шести вечера встречайте.

Отключив мобильник, Маршал постучал в окошко и отдал его ожидавшему куму.

Настроение было испорчено вконец. С авторитетом из Саратова Петром Тарасовым у Маршала были давние теплые отношения. Как-никак вместе мотали срок на крытке.⁷ Два часа назад его не стало. Не стало и его девчонки – девятнадцатилетней фотомодели Татьяны. Полтора месяца назад они все вместе отмечали ее день рождения в ресторане «Клуб Т», на улице Красина. Девушка любила французскую кухню. Маршал надел футболку, улегся на нары. Да, быстро пролетели деньки в «санатории» – на воле предстоят трудные решения. Разбираться с отморозками, начавшими мочилово, и в то же время иметь за спиной стукача, возможно, из самых близких... Думай, Маршал, думай, маршалам нельзя ошибаться, как писал в своих мемуарах его великий тезка, важно разгадать замысел противника, овладеть стратегической инициативой и тактически грамотно расставить силы. Только кто же здесь противник, куда направить инициативу и кто среди своих противник?

Он пролежал примерно до часа дня, мысли лезли нехорошие, и все же решение не приходило, слишком многое оставалось неясным. Наконец накатила тревожная дремота, сказались две бессонные ночи.

– Георгий Константинович, – неожиданно услышал законник знакомый голос.

Открыв глаза, он увидел перед собой своих давнишних знакомых: начальника СИЗО, высокую, худощавую даму средних лет – следователя из ГУВД, и пожилого горбоносого адвоката.

– Георгий Константинович, – тон следовательши был официально-торжественный, – поскольку основной потерпевший отказался от своих показаний и находится сейчас под следствием по обвинению в целом ряде преступлений, а двое свидетелей покинули Россию в связи с переездом на постоянное место жительства в другое государство, уголовное дело против вас закрыто, и держать вас под стражей мы больше оснований не имеем.

У здания Бутырки Маршала встречали три иномарки. Возле них топталось все криминальное «политбюро»: Штурман – высокий лысеющий атлет с перебитым носом, Болт – один из бригадиров бандитской гвардии и некогда чемпион республики по толканию ядра, и «мозговой центр», он же третейский судья – воровской авторитет Серж-большой, на самом деле маленький, худенький армянин с большими печальными глазами.

Маршал вышел из главного здания тюрьмы вместе с адвокатом. Обменявшись приветствиями, генералы преступного мира быстро расселись по автомобилям и тронулись в путь. Близился вечер.

Московская область, П...ский район.

Особняк Штурмана

– А что менты? – спросил Маршал у Штурмана, внимательно выслушав его доклад о событиях прошедших дней.

– А ничего. – Штурман откупорил вставными зубами очередную банку пива и влил ее содержимое в свою пасть.

– Ментам такие дела на руку, – впервые за вечер взял слово Серж-большой. – Чужими руками нас мочат.

⁷ Крытая, крытка (жарг.) – тюрьма закрытого типа для особо опасных рецидивистов.

– Менты, конечно, падлы, – решил вставить свое мнение и Болт. – Но здесь дело явно другое – абреки взялись за нас! Простим им Тараса – всех поодиночке передавят и Москву под свой контроль возьмут. Давняя мечта «лаврушников»...

– Кто ж тогда ихнего авторитета с семьей взорвал? – Штурман активно дискутировал, прицеливаясь к очередной пивной банке. Никто не знал, сколько ему надо выпить, чтобы хоть немного захмелеть – пьяным его не видели ни разу.

– Сами и взорвали! – Болт был непреклонен. – Он, между прочим, уже отходил от их дел, в легальные коммерсанты намылился вслед за своим братцем. В общем, мое слово такое: Тараса не прощать.

– Все же неизвестно, кто его убил, – негромко произнес Серж-большой. – Хотя Болт, возможно, прав. Им нужен повод для крупномасштабной резни.

– С Казымом Бакинским мы в приятельских отношениях, – начал заключительную речь Маршал. – Он авторитетный, уважаемый человек. Я думаю встретиться с ним и поговорить. Считаю, войну вполне можно предотвратить. Или кто-то здесь жаждет крови? – Маршал обвел присутствующих ледяным взглядом.

– Мокрухи быть не должно! – процитировал Серж-большой одну из основных заповедей Георгия Константиновича.

– Война нам ни к чему, но и спускать такой беспредел мы не можем, надо разобраться, чьих это рук дело, и предъявить конкретно. – Штурман, поднявшись из-за стола, расправил мощные плечи.

– Подчиняюсь большинству! Против народа не прую! – Болт забычковал окурок в пепельнице и тоже встал.

– Теперь спать! Дел завтра невпроворот! – таким было последнее слово Маршала на 24-е число.

Лежа в постели, он слово за словом, эпизод за эпизодом прокручивал в уме все, что произошло за день. Кто? Кто ссучился? Пока что «базар» был только с самыми близкими, кому верил безоглядно, а теперь приходилось в каждом искать двойное дно, за каждым сегодняшним словом угадывать невысказанную мысль, в каждом взгляде и жесте ловить фальшь... Да что сегодняшняя встреча – надо перепахать все, что засело в памяти, вспомнить, что промелькнуло незамеченным, что царапнуло когда-то душу... Однако память не давала подсказок. Час ночи, два, три... Нет, все же, видать, Тунгус ошибся или что-то недопонял. Или Варлам напутал. В любом случае он, Маршал, ошибиться не имеет права. Надо проверять. И начать придется с тех, кто рядом, кого знал и кому верил многие годы.

Самым давним кентом был Серж-большой. Подозревать его Маршал просто не мог. Это все равно что подозревать себя, даже хуже. Сержа, который был старше его на несколько лет, Маршал держал за равного себе, в чем-то даже неосознанно признавая его превосходство. Кто же тогда? Штурман? Правая рука?

Штурман

Несмотря на простецкую внешность быка для рукопашных разборок, Штурман был человеком неглупым, хитрым и опытным. Погоняло Штурман было не совсем погонялом, ибо еще лет восемь назад Станислав Николаевич Голубев действительно служил штурманом в гражданской авиации.

С самого рождения в нем была заложена патологическая предрасположенность к авантюрам, иногда бессмысленным и нелепым. В школе он быстро превратился в «одинокую волка», легко мог бы стать неформальным лидером, но к этому не стремился, «кодла» не признавал, на попытки вовлечь его в дела местных паханов открыто плевал и в нескольких жестоких стычках приучил держаться от себя подальше. Имея незаурядные психо-физиче-

ские данные, Штурман не жалел времени на спорт, качал мышцы, быстро овладел запрещенным тогда карате и разрешенным дзюдо, но его не волновала спортивная карьера, жесткие этические рамки восточных единоборств раздражали его, его стихией был бой без правил, и Стас специально отбирал и отрабатывал самые жестокие, членовредительские приемы и был готов пустить в ход любые подручные средства, от кастета до обрезка водопроводной трубы.

После нескольких неудачных попыток взять его не уменьем, а числом и подлостью местная гопота усвоила, что для здоровья полезнее держаться от Стаса подальше.

Армейскую службу он оттрубил в аэродромной команде, своих авантюр не прекратил, причем ни разу не попался. Образ жизни пилотов, в те времена несомненной элиты среди остального совкового населения, ему понравился, и после дембеля Стас поступил в летную школу – туда его рекомендовала родная воинская часть.

В своем авиаотряде Стас Голубев слыл отличным спецом, надежным и хладнокровным мастером своего дела. Друзей среди коллег он не завел, в общении был резок, порой неприятен, и все же никто из окружающих и думать не мог, что в свободное от полетов и занятий сексом время (об этом следует рассказать особо) штурман первого класса Голубев осуществлял дерзкие разбойные нападения. В основном бомбил граждан состоятельных, преимущественно тружеников советской торговли. Поиск и разведку осуществлял лично и на дело тоже шел в одиночку. Огромная физическая сила и тренированность, помноженные на незаурядный интеллект, дали в результате бандита-одиночку, необузданного в своих амбициях.

Вдобавок ко всему Стас блистал феноменальной сексуальной мощью, трахаться он ухитрялся где угодно и когда угодно: во время авиарейса со стюардессами и приглянувшимися пассажирками, после рейса с ними же и многочисленными «наземными» подругами. Однажды он ухитрился потрахаться даже во время разбоя – на дело поехал на собственном автомобиле вместе с очаровательной девчонкой, с которой только что познакомился в дискотеке. Та, разумеется, понятия не имела, куда едет этот шикарный мужчина. Подъехав к дому очередного барыги, Станислав объяснил девушке, что дома у него жена и поэтому любовью они займутся прямо сейчас, не сходя с места. Завершив приятное, Стас перешел к полезному, попросил девушку немного подождать его, дескать, запудрю мозги дуре-жене и приду. За пятнадцать минут выпотрошив барыгу, Голубев вернулся веселый и довольный и снова приступил к любовным утехам.

Не имея ни опыта, ни страха, Голубев довольно скоро погорел. Объяснить следователю, суду, а тем более самому себе, зачем он занимался разбойным хобби, Стас не смог. Может, он был просто психически больным человеком. Однако ни ему, ни судейским и в голову не приходила такая постановка вопроса, во всяком случае, себе он нравился таким, каким был. По первому разу, с учетом отличной деловой характеристики, приговор суда был относительно мягким; в те годы особо сурово карали за групповые преступления, а он, кустарь-одиночка с непонятной мотивацией, получил год общего режима.

Зона немножечко «подлечила» Станислава – он быстро усвоил, что по сравнению с профессионалами действовал слишком нагло и неосмотрительно. Не стремясь к сближению с братвой, Стас тем не менее усердно черпал из копилки коллективного блатного опыта, прислушиваясь к вечерним байкам бандитских корифеев. Здесь-то он и сошелся с Маршалом, вскоре став одним из главных его фаворитов. Знакомство их состоялось точь-в-точь как в кинофильме «По прозвищу Зверь»: новичок в блатном сообществе, Голубев повздорил с матерыми урками и основательно им навтыкал, несмотря на их численное превосходство. Те, естественно, не могли спустить подобную дерзость и договорились ночью поставить Штурмана на перо. Тут в дело и вмешался Маршал, отбывавший там наказание за очередной налет. Зона находилась под его полным контролем. Вызвав бывшего авиатора на беседу и проговорив с ним более трех часов, что для немногословного законника было большой редкостью,

Маршал запретил урканью даже думать об отмщении. А вскоре приблизил к себе строптивца. Пожалуй, Маршал оказался единственным человеком, нащупавшим рычаги управления «одиноким волком». Георгия Константиновича Стас слушал беспрекословно.

Выйдя на свободу, Штурман возглавил боевые структуры Маршала.

– Забавный стеб до меня дошел на подмосковной зоне, куда я ездил улаживать разногласия братвы и тамошнего хозяина, – обронил как-то невзначай Маршал в неторопливой беседе со Штурманом в его загородной резиденции через день после возвращения из Бутырки. Маршал оставался ночевать, и они вдвоем коротали вечерок за бутылкой коньяку. – Слышал, наверное? Там к большой заварухе дело шло... Так вот, дошло до меня, что вроде готовят подмосковные отморозки, то ли любера, то ли подольские, гоп-стоп по большому обменнику на Ленинском, знаешь, ближайший к кольцевому метро. Там в охране менты по совместительству работают, а вдобавок еще азеры крышу дают, они там в доле. Шустрые они ребята, между прочим, везде без мыла пролезают, к коммерции настоящий талант имеют, не то что мы, темные. Так вот, по о-о-очень большому секрету мне одна птичка шепнула, что брать будут... да, от сегодняшнего дня ровно через неделю, к концу дня, когда те наторгуют побольше.

– Знаю я этот обменник, – отозвался Штурман. – Там несколько окошек, оборот громадный, но и охрана будь здоров. Ни черта не выйдет, зубы обломают пацаны.

– А может и нет, вроде у них все схвачено, свои люди в охране, и есть у них задумка работать резко, с мокрухой, часть охраны хотят положить без понта... Прямо не знаю, что делается. Если это дело выгорит, азеры опять нам его клеить будут. Что ты об этом думаешь?

– Думаю, нам запаadlo морду подставлять, чтобы кто ни попало на ней тренировался, удар ставил. Азерам рано или поздно надо дать укорот, иначе выпрут они нас из Центрального округа. Насчет люберов или там разных подольских – нам ни к чему, чтобы на нашей земле залетные резвились. А вот как их отвадить, не секу, там у меня кентов нет, просто так к ним не сунешься, предъявить нам нечего... Народ без понятий, культурный разговор не воспримет. Не бери в голову, Маршал, пойдем спать, меня моя рыжая кошка зажала...

– Пошли. – Маршал встал, расслабленно зевнул, потянулся. – Только ты о нашем разговоре никому – ни Сержу, ни Болту, никому вообще, не то может плохое случиться...

– Ну что ты, за кого меня держишь? Считаю, я все забыл.

Подобные разговоры «невзначай» Маршал имел еще с тремя ближайшими бригадами. Варьировались объекты, сроки, обстоятельства, но в каждом случае в охране были менты, а азеры имели долю или полностью владели объектом, обычно через подставных людей. Объекты были вполне реальные, всем известные. А стеб насчет гоп-стопа – чистая липа, сочинение Маршала. На каждый объект спустя день-два после разговора он направил верных людей из своей личной охраны и пацанов Сержа.

Ребята были хваткие, опытные и абсолютно надежные. Маршал поручил им ежедневно тайно подъезжать на объект и отслеживать его и ближайшие окрестности на предмет состояния охраны. И если в день гоп-стопа охрана будет усилена или появятся подозрительные личности, следовательно, бригадир замарался.

С бригадами и охранниками-контролерами Маршал говорил лично, за болтовню обещал поступить по воровскому закону – болтун на свете не жилец.

Снасти были заброшены, крючки наживлены, колокольчики подвешены, оставалось ждать.

Вечер следующего дня. Московская область.

Бандитская стрелка

Вопреки сложившимся стереотипам, встреча главарей двух бандформирований проходила не на безлюдном пустыре и не в шикарном ресторане, а на одной из тихих улиц подмосковного городка. Шагах в двадцати находилось местное отделение милиции, совсем рядышком – кинотеатр, вокруг ходили прохожие, гоняли на велосипедах ребяташки. Все это, как ни странно, давало гарантии, что конкуренты по бандитскому ремеслу не откроют ураганный автоматный огонь. Кавказцев, в большинстве своем азербайджанцев, возглавлял авторитет Казым Бакинский, уголовник старой закваски, почти одного возраста с Маршалом и примерно таких же убеждений. В отличие от жилистого, мускулистого Маршала, Казым выглядел гораздо старше своих пятидесяти двух – почти совсем лысый, с огромным животом и глубокими морщинами на лице. Был и молодой представитель уголовной поросли, Ильдар, парень лет двадцати двух, не более, элегантный, сильно смахивающий на выпускника Оксфорда или Кембриджа, если бы не жутковатый звериный оскал.

Славян возглавили Маршал, Штурман, Серж-большой и Болт.

Обменялись сдержанными приветствиями, затем Маршал взял слово.

– Выражаю вам нашу боль и скорбь по погибшему... – буднично звучал его хрипловатый голос. – Видит бог, нашего злого умысла здесь нет, к его смерти мы никаким боком не причастны!

Среди абреков прокатился недовольный гомон.

– Как и вашей, верю, нету злой воли в гибели нашего брата Петра Тарасова, – продолжил свою речь законник. – Кто взорвал Такоева и его семейство, мои люди не знают, если узнаем, сообщим. Тебя я тоже прошу: если узнаешь хоть что-то о тех, кто замешан в мочилове Тараса или что-то знает об этом, дай мне знать. Надо прояснить, на ком дела висят, а крошить друг друга вслепую – это не дело.

– Говоришь красиво! – толстыми губами усмехнулся Казым. – Что-то непохоже на тебя, Маршал...

– Не первый год меня знаешь, Казым, – без малейшего волнения в голосе продолжал Маршал. – И знаешь, чего стоит мое слово. Пока жив, бессмысленного мочилова не допущу! Давай, Казым, перед всем нашим народом договоримся сдерживать своих бойцов и резких движений не делать. Надо, чтобы все было по закону.

– Это и так понятно, Маршал! Мы ж с тобой люди с понятием... Я тоже не хочу лишней крови, но тот, кто в этом запутан, должен ответить. Иначе нельзя.

– Вот именно! – поддержал Казыма законник. – А теперь давай обратимся к народу, – Маршал окинул взглядом команду абреков, затем развернулся и оглядел своих бойцов, стоящих тесным полукругом.

– Все слышали наш «базар»? Мочить друг друга без разбору – только ментам на потеху. Кто замочил наших братьев, найдем. Всегда находили и сейчас найдем. Узнаем все, и каждый получит, что положено. Я понятно говорю? А большая война нам ни к чему. Друг друга перебьем – никто не выиграет, придут чужие отморожки, потеряем все. Поэтому спокойно, ребята, наше главное дело сейчас – найти этих сук, здесь мы можем помочь друг другу. А если кто из присутствующих сильно отморожен на всю голову и рвется в бой прямо сейчас, будет отправлен на принудительное лечение! – хрипловатость в голосе Маршала исчезла и отчетливо зазвучала сталь. – Пусть каждый это обдумает и расскажет о нашей встрече своим

кентам! Во все свои кентовки донесите эту весть. – И помолчав, добавил уже совсем не по-воровски: – Не надо крови, пацаны....

– Эх, Казым, подставим пацанов. Говорит складно Маршал твой, а на деле всех нас поодиночке растопчет! – молчавший всю стрелку положенец Ильдар развязал язык только в машине, на обратном пути.

– Молчи! – зло сверкнул угольными глазами авторитет. – Верю я его слову!

– Слову... – Ильдар немного помолчал и снова заговорил с горячностью: – А если он с ментами или гэбистами спелся?!

– Офонарел совсем?! – Казым готов был ударить положенца. – Маршал и менты?! Скорей армяне мусульманство примут, чем законник с мусоркой общий язык найдет! Менты же его враги пожизненные, до гроба! – авторитет распалялся не на шутку. – Половину зубов во Владимирском центре оставил! На Краснопресненской пересыльной ему ребра ломали, когда он за народ вставал!

– Мое дело предупредить, – неожиданно отработал назад Ильдар. – Решение все равно твоим будет...

– Вот именно! – смягчился и Казым. – И не забывай об этом!

Серж-Большой

– Георгий, хочу поговорить с тобой.

Сотоварищи редко называли Маршала по имени, и Серж-большой, мозговой центр группировки, имел, видимо, серьезные причины, чтобы обратиться так к законнику.

– Посидим в тишине вдвоем, – сделал армянин приглашающий жест в самую глубь штурмановской фазенды, где находилась маленькая уютная беседка.

– Добро, – Маршал расстегнул воротник и засучил рукава рубахи – вечер выдался неожиданно жарким.

Свое погоняло Сергей Даниэлевич Арутюнянц получил не за внешние данные (его рост едва достигал 165 см, он был тонок в кости и хрупок), а за острый, изощренный ум, способность быстро и точно анализировать любую ситуацию, глубокие познания в самых разных областях и дар прирожденного психоаналитика, с которым мог конкурировать не каждый профессионал. Между тем его образование ограничилось семью классами средней школы. Возможно, оно было еще короче, но Серж-большой стеснялся разговаривать на эту тему, а врать не любил.

На первую отсидку попал рано, лет в четырнадцать. Родившийся в многодетной армянской семье, Сергей был потомственным вором – отец, братья и даже сестры не преминули отметиться в зоне за кражу личного имущества. Не воровала в семье только мать – она рожала жульническую гвардию, пополняя ее из года в год. Не исключено, что, формируясь в иной среде, Сергей Арутюнянц мог бы выйти в большие ученые, известные кинорежиссеры или художники, но он стал воровским авторитетом Сержем-большим.

Высокую ступень в воровской иерархии он заработал не только умом, но и несгибаемой волей и упертостью. Находясь в одной из провинциальных тюрем, Серж-большой попал в немилость к тамошним кумовьям из ОРЧ.⁸ Те подговорили ссученных⁹ опустить Сержа, имевшего тогда уже солидный авторитет. Трое дюжих беспредельщиков-мордворо-тов долго смеялись, когда в их камеру ввели щуплого, болезненного на вид армянина. Однако

⁸ ОРЧ – оперативно-режимная часть следственного изолятора, кумовья – сотрудники этой части.

⁹ Ссученные – беспредельщики, осужденные по самым грязным статьям (например, за изнасилование малолетних) и используемые сотрудниками СИЗО для расправы с неугодными или для выбивания нужных показаний на следствии.

смеялись они в последний раз; хором навалившись на Сержа, получили неожиданный отпор: маленький вор сумел ловко разорвать пасть одному, выхватить из его рук заточку и вонзить ее в пах второму, третий же настолько оторопел от такого поворота дел, что сам отскочил в сторону. На истошные вопли изувеченных сучар сбежались контролеры и отправили Сержа-большого в карцер, предварительно отходяв дубьем. Тем не менее больше Арутюнянца в тюрьме никто не задевал – ни вертухаи, ни беспредельщики. В свободное от занятий воровским ремеслом время Сергей Даниэлевич занимался графикой, рисовал стилизованные под национальные мотивы картинки или резал по дереву. И то и другое у него получалось достаточно профессионально.

– Георгий, ты за кого меня держишь в группировке? – снова по имени обратился Серж-большой к Маршалу, как только они уселись в удобные дубовые кресла.

– За умного, – Маршал, немного помолчав, добавил: – За кого же тебя еще считать прикажешь?

– Раз за умного... – Серж выдержал небольшую, но выразительную паузу и, немного прикрыв большие печальные глаза, продолжил: – Раз за умного, слушай, что скажу, и не обижайся. Мы ведь с тобой почти братья...

– Говори, Серж. Обид не будет.

– То, что я сегодня видел, Георгий, это цирк. Причем самодеятельно-провинциального уровня. – Армянин поднял веки, и его глаза стали огромными, неприятно обжигающими. – И сегодняшнему твоему слову, Георгий, цена невелика. Оно сегодня почти ничего не стоит.

– Ты думаешь, нас не послушают? – сомнения преследовали и самого Маршала, поэтому слова Сержа-большого не вызвали резкого отпора.

– Ты на этого положенца обратил внимание? Ильдар, кажется? – спросил в свою очередь Серж-большой.

– Видел. Так, шпанец средней руки... А вообще «шестерка» при Казыме, – высказал мнение Маршал.

– Может быть, Казым так думает, а вот Ильдар себя уж точно за «шестерку» не держит, а нас всех, в смысле старых законников, за полоумных держит. Он же смеялся, пока ты говорил, – глаза Сержа чуть погасли и снова стали печальными. – Он хохотал... Внутренне хохотал... Про себя... Над твоим словом. И многие из них хохотали, – армянин снова прикрыл глаза. – Да и из наших *многие*. – Он выразительно произнес последнее слово.

– Думаешь, они решатся послушаться? На беспредел? Война неизбежна?

– Да! – ответил «мозговой центр» коротко. – В первый раз в жизни не могу понять, что происходит. Не вижу расклада. Такоева не наши замочили, это точно. Значит, идет игра, а кто банкует, не видно. Кто-то хочет войны, похоже, кто-то третий. Сами азеры, хоть и не люблю я их сильно, на такое не пойдут, чтобы для понта своего подорвать, да еще с женой и детишками... Нет, не похоже. Может, что-то знают, может, даже кого-то наняли, а те перестарались. Так это еще полбеда. Молодые шакалы вроде Ильдара, всякие беспредельщики отмороженные – это мне понятно, я их расклад знаю. Боюсь, дело хуже, кроме них, играет кто-то третий, кого мы не видим. И в этой игре у нас, Георгий, плохая карта. – Серж-большой замолчал.

Молчал и Маршал, он отлично понимал, что Серж-большой прав. Сказать о разговоре с Варламом? Нет, рано. Я же не попка, повторять, что услышал. Надо самому разобраться. Верю, не верю, что предлагаю, а так вякнуть, только колыхнуть.

– И все же мы должны остановить войну, – произнес наконец Маршал. Больше ему нечего было сказать.

– Мы не сможем этого сделать, Георгий! Наши прежние понятия летят к чертям. Мир изменился, Маршал, и развернуть все обратно ни тебе, ни Казыму уже не под силу, – неожиданно твердо закончил Серж-большой.

– Что ты предлагаешь? – Маршал, не мигая, смотрел на верного кента.

– Для себя я решение уже принял: уезжаю, как сродняк решил, в Канаду, и порученное дело сделаю. А потом останусь там. Я и там буду вам нужен. Родичи мои – люди верные, постараются делать все как надо, да вот времена сейчас такие, что они могут просто не потянуть, о здешней новой жизни они без понятия. Если хочешь, поедem вместе.

Маршал молчал, словно окаменевший, он смотрел в глаза Сержа-большого.

– Сегодня не мы главные бандиты России! – Серж выразительно посмотрел вверх. – Главные авторитеты там, где реальная власть и большие деньги. Нас же они просто используют, мы им выгодны со своими группировками и разборками. А потом нас отстреляют. Вспомни, сколько авторитетных людей полегло?! Крупные, авторитетные воры. А я не хочу, чтобы эти суки, не нюхавшие нар, использовали меня. И не хочу, чтобы использовали тебя... Неужели ты веришь в то, что их можно победить?

– Ты знаешь, я верю только в бога, – неожиданно зло ответил законник.

– Их никогда не посадят. К сожалению... – Серж хищно усмехнулся. – Хотел бы я посмотреть, а еще лучше встретиться с ними на зоне...

– Таких не содят! Умный человек один сказал, – смягчил свой тон Маршал.

– Мы смешны, Георгий! Над тобой сегодня смеялись! И что будет дальше, подумай об этом! А я выхожу из этой игры. Буду там при общаке, как сторожевой пес. Считаю, уйду на заслуженную пенсию. – Серж криво усмехнулся. – Может, я просто устал. Пойдем спать! – Серж-большой поднялся с кресла.

– Ты волен это сделать, Сергей, – впервые за все последние годы армянин был назван по имени. – Я многим тебе обязан... Я все понимаю. Уезжай. Ты и там будешь нужен, а я нужен здесь. Маршалу нельзя уезжать, когда война на носу.

Они молча направились к особняку. Из открытого окна второго этажа раздавались девичий смех и повизгивания – Штурман развлекался с девочками. Сегодня у него в гостях были рыжеволосая фотомоделль и пикантная, полноватая брюнетка – стриптизерша из элитного эротик-шоу. Жизнь текла своим чередом.

Маршал

Две заботы лишали Маршала спокойного сна – как распознать стукача и где пристроить общак.

Запустив «дезу» насчет подготовки гоп-стопов, Маршал никаких дополнительных ловушек не устраивал. Он и так выглядел в собственных глазах трусливым подлецом, украшая лапшой уши ближайших кентов. Решил набраться терпения и ждать.

С общаком было куда сложнее.

Еще до «командировки» Маршала в Бутырку на сходе авторитетов Центрального округа и примкнувших групп решался вопрос с общаком. Хранили его по частям в разных местах: в Москве и пригороде, крупную часть пристроили даже в Новгороде. Хранителями были разные люди, как правило, воры-«пенсионеры», отсидевшие свое, в активном криминале уже не участвовавшие, однако жившие по понятиям. Плохо, что и сами они, и их «должности» были известны слишком многим. Маршал подумал, что наверняка и стукач, если он существует, тоже знал кое-кого из хранителей, скорее всего даже – не одного. Сход поручил Маршалу найти более надежный вариант, а если сход одобрит, то и осуществить. При первых признаках войны, как только Маршал вышел из Бутырки, стало ясно – тянуть с этим делом нельзя, тем более если завелся стукач.

Вариант Маршал уже нашел: общак, точнее его главную часть, надо переправить за рубеж, хранителем должен стать верный человек, о роли которого будет знать только он,

Маршал, ну и еще один-два абсолютно верных кента. Вот только каким образом переправить, как там хранить и сделать так, чтобы пользоваться было удобно?

Эту проблему Маршал не раз обсуждал со своим новгородским кентом, бывшим вором-медвежатником Воропаем, по паспорту Воропаевым, завязавшим много лет назад по причине профнепригодности: вскрывал однажды неподъемный стальной сейф с помощью накладногокумулятивного заряда, изготовитель которого, видно, схалтурил, и заряд долбанул сразу в две стороны – по сейфу и по левой руке исполнителя, оторвав пол-ладони.

Ему-то и доверил сход хранение почти трети общака, призвав несколько лет назад к исполнению этих почетных обязанностей. Для удобства обслуживания воровского «вклада» Воропаев с разрешения и даже по настоянию схода занялся бизнесом и неожиданно крепко в нем преуспел: постепенно подгрел под себя несколько крупных магазинов, автосервис, «держал» один из городских рынков и присматривался к городскому мясокомбинату и сети автозаправок. Дела он вел солидно, имел прекрасные отношения с городской властью, завел широчайшие знакомства, ни в каком криминале, по крайней мере явно, замешан не был, постепенно приобретал все больший опыт финансовых операций и входил во вкус предпринимательской деятельности.

Чтобы без помех обсудить, как лучше выполнить решение схода, Маршал вызвал Воропая в Москву. На беседе тот заверил, что его часть общака в полной безопасности, но необходимость переправки ее за рубеж признал сразу.

– Я и от своих-то небольших финансов хочу немного для страховки перебросить на запад, – поделился Воропай. – Сейчас это несложно, банк я присмотрел, у него отработаны связи с московскими банками, переводы идут без проблем; держать там свои кровные куда надежнее, чем здесь. Скажу тебе вот что: осенью нашу российскую систему финансов крепко тряхнет. Газеты пишут об этом открыто, и хотя я им не верю, здесь они попадают «в цвет».

– Я газет не читаю, – сухо заметил Маршал.

– Правильно делаешь. Ну да не о том речь. Для дела с общаком тот банк, который я наметил, не пойдет. Нужно такое заведение, в руководстве которого есть наши люди. Лучше, если президент. И не надо, чтобы это был крупный банк, так, незаметный, середнячок. Слушай, а у наших с тобой кентов нет там подходящих родственников? В смысле банкиров?

Маршал рассмеялся.

– Нет, не слыхал. Ни я, ни мои друзья порочащих связей не имеем.

– А вот и зря. Видишь, как дело повернулось, надо бы заиметь. Постой, а ведь у Сержа-большого в Канаде есть какой-то родич, токарь по «капусте», мне сам Серж как-то говорил, подначки ради. Ты узнай у него, а?

Маршал на минуту задумался.

– Нет, мне это... Ну, не мне этот разговор начинать. Вот что, переговоры с ним ты, раз Серж тебе сам сказал о родиче, тебе и продолжать этот «базар». Давить тут нельзя ни на Сержа, а тем более на его родича.

На следующий день Серж-большой сам вызвал Маршала на разговор.

– Толковали мы тут вчера с Воропаем насчет известного тебе дела. Так вот, мой двоюродный брат «в принципе» согласен. Он там у себя в Калгари, это в Канаде, президент небольшого банка, кое-какие дела уже ведет с Арменией и Россией, мужик он знающий и осторожный, готов обсудить детали...

Москва, Большая Ордынка.

Ресторан «У бабушки»

В этот неурочный час (время обеда кончилось, а до вечернего веселья было еще далеко) крохотный, на шесть столиков, но весьма ценимый знатоками ресторанчик был почти пуст. За столиком в углу расположились трое: к славянину и кавказцу, встречавшимся не так давно в Парке культуры имени Горького, присоединился третий, также славянин, но помоложе и повыше.

– Ну, как вам русская кухня? – славянин постарше нервничал: первая встреча его агентов из враждующих группировок состоялась, и как все пойдет дальше, во многом зависело от его дипломатических способностей.

– Я патриот, – коротко ответил славянин помоложе. – А вот наш друг... – он кивнул в сторону кавказца, – скучает. В следующий раз соберемся в «Колхиде».

– Давайте к дэлу! – с легким акцентом проговорил кавказец, осушив очередную порцию коктейля «Москва златоглавая».

– Ну что, – начал свой доклад молодой, – встретились, разъехались. Маршал какую-то чушь нес! Под старость видно совсем охренел – и впрямь маршалом себя почувствовал...

– По существу давай, – перебил его славянин постарше, от его наигранной веселости не осталось и следа.

– Ну, взяли под контроль братву. И он, и Казым. Не будем воевать – сказали и пожали друг другу руки... Так? – обратился славянин за поддержкой к кавказскому визави.

– Так! Мир-дружба... – оскалился кавказец. Забегать вперед ему не хотелось.

Оглядев собеседников, славянин постарше заговорил напористо, тоном, не терпящим возражений:

– Ваш Маршал – придурок в наколках. Дебил малограмотный. А вы его слушаетесь! Да и Казым не лучше...

– Что верно, то верно! – неожиданно поддержал его кавказец. У старшего отлегло от сердца, молодой взглянул на кавказца удивленно.

– Пещерные люди, – решил не отставать и молодой.

– Вот поэтому мы и хотим вас на их место поставить. Вы как-никак люди образованные! – явно польстил обоим старший. И тут же продолжил: – И дикость их сильно нам мешает. Понятно излагаю?

– Все ясно! А как там твоя доблестная краснознаменная «таможня», добро дает? – спросил кавказец, хотя не сомневался в ответе.

– За добро надо платить добром, – туманно заметил старший.

– Какой вопрос? Это мы знаем... И платим, разве нет? – Кавказец взял дорогую кожаную папку с вложенным меню, лежащую на столике, вынул вкладыш, а взамен положил пачку «зеленых», которую вынул из кармана модного пиджака. Две пары глаз выжидательно остановились на молодом, тот торопливо повторил действия кавказца – пачка оказалась примерно той же толщины. Старший невозмутимо переложил потолстевшую папку в свой «дипломат».

– Ну вот и договорились. – Голос старшего немного сел, но напряжения в нем уже не чувствовалось. – Моя «таможня» проконтролирует, но вмешиваться не будет, канал у меня надежный (старший повторил характерный жест, подняв указательный палец к потолку). Остальное сами... Связь через меня, напрямую контактировать не советую, можно засветиться.

Все детали как договорились. Больше здесь встречаться не будем, чтобы не мелькать. И засиживаться не будем. Вопросы есть?

– У матросов нэт вапросов! Жилаю всем удачи. – Пряча в глазах презрение, кавказец встал, подняв руку в прощальном жесте, и направился к выходу. Его сегодня ждали великие дела.

Некоторое время славяне сидели молча. Наконец молодой заговорил. Голос его уже не излучал былой уверенности.

– Слушай, начальник, я против Маршала не пойду!

– Ты что, охренел? Я тебе столько слил насчет азеров, весь их расклад дал, сколько людей, стволы, квартиры в Москве, особняки за городом... Да вы их одной левой, если по уму, конечно. А насчет Маршала... Ты что, не врубился? Какой же тебе смысл в этой заварухе, если Маршал останется? Мы же на тебя поставили. Нет, дорогой, назад тебе ходу уже нет. Ты должен стать на место Маршала, тебе его и убирать. Мы же договорились...

– Насчет Маршала мы не договаривались! Ни за какие твои обещания я против него не пойду. Жизнь, сам понимаешь, дороже. За него весь блатной мир поднимется, мне не жить...

– Идиота с наколками испугался? Сам же только что над его речами смеялся!

– Смеяться одно! А против такого законника идти совсем другое. Он хоть и головой ушибленный, но авторитет имеет на всю Россию, и пацаны за него горой стоят!

– Вот тех, кто сильно стоять будет, мы отправим всерьез и надолго! Чего ты скис?

Молодой затравленно молчал, собирался с мыслями, но нужных слов не находил.

– А вообще, ладно, – неожиданно смягчился старший. – Тут такое закрутится скоро, что твоему Маршалу-фельдмаршалу вряд ли уцелеть. Сделаем так, что ты будешь в стороне, может, даже выступишь как его самый верный кент, но помочь ему будешь не в силах. Это мы устроим. Я тебе потом скажу, что надо делать. Пока что ты поддакивай ему во всем, понял?

– Вот это дело! Так будет правильно! – Молодой сразу повеселел. – Буду ждать ценных указаний. С нетерпением!

– Ну, не валяй ваньку. Теперь второй вопрос: как там с общаком? Сам понимаешь, если «капуста» уйдет, а Маршала не будет, то тебе до нее дотянуться будет трудненько. Сечешь?

– Само собой. Да что я могу сделать? Маршал эти вопросы ни с кем не обсуждает. Знаю только, что сход авторитетов решил общак обезопасить и поручил это Маршалу. Как он устроит, никто не знает, может, и сам еще не решил. А спрашивать я не буду, он и так косые взгляды кидает на всех нас, бригадиров, что-то он чувствует...

– Ничего, ты только не бойсь. А узнать надо. Мы поможем тебе общак сохранить в лучшем виде, Маршал до этого не додумается.

– А как?

– А это пока тебе рано знать. Скажу только, что все будет по закону. Есть такой банк в Москве, он вполне законный, вроде частный, везде прописан, налоги платит – по уму, само собой. А в натуре он наш, понял? Деньги в нем наши, банкир наш, охрана наша. А вывеска, ты ее видал, в Москве у него десятка два отделений, не меньше. Там общак будет не только лежать в полной сохранности, его еще менты от гоп-стопа охранять будут, и прибыль от него пойдет. А распоряжаться своей частью будешь ты. Понял?

– Ловко. – Молодой глядел ошарашенно. – А ну как я приду распоряжаться, а мне скажут: вас тут не стояло, ходи мимо, Вася. Как я буду права качать? Бумажки показывать?

Старший славянин в душе усмехнулся, зришь в корень, бригадир, хоть и молодой, однако виду не подал, сыграв возмущение:

– Не бойсь, говорю. Что ты такой темный? Есть разные способы. Ты оглянись, кто сейчас капусту в матрасе держит? Спроси у Ильдара, он тебе разъяснит. Сам-то он давно свои финансы в верный банк пристроил и работает с ним вполне культурно. Дебет, кредит, авизо,

провизо. Слышал такие слова? Если не слышал, пусть Ильдар будет казначеем, он справится. А ты – воинский начальник. Ты как?

– Еще чего! Если такая игра пойдет, я даже карты брошу, понял? – Податливый вроде молодой вдруг глянул серым волком, старший понял: насчет Ильдара он ввернул «в цвет».

– Да не заводись, это я так, я же понимаю, что свои «башли» только дурак чужому дяде отдаст. Потом мы это подробно обговорим, сам увидишь, дело верное, без балды. А ты пока держи нос по ветру, чтобы мимо носа не уплыло. Понял?

– Понял. Пока я не буду знать точно, что я хозяин капусты...

– Ладно, хватит. Никто тебя заставлять не будет. Сам поймешь свою выгоду, еще просить будешь. Все, заканчиваем, мне пора.

– Вот еще что. Спела мне тут одна птичка, что будут лихие люди брать ювелирный на Покровке, ну, знаешь, этой зимой открылся... Там, между прочим, ваш брат менты в охране, так их наметили в расход...

– Стоп. Давай конкретно: кто, когда, каким образом, как зовут птичку...

– Да ничего толком неизвестно, ты что думаешь, такие вещи в Думе обсуждают и по ящику транслируют? Пацаны из Подмосковья, из местами примороженных. Наметили вроде на эту пятницу вечером. В охране у них свои, может, один, а может, и больше. Все, больше ничего не знаю, и как звать птичку, давно забыл. Ты сечешь, что я себе уже петлю на шею надел и веревку тебе в руку всунул? Меня спалить можешь, как два пальца обмочить, если этим пением распорядишься неумело, понял?

– Ну не хами, дорогой, я не пальцем деланный и не вчера на свет вылез. Какой-то ты нервный стал. Не дергайся, все будет путем. Все, время вышло, мне пора. Ты уверен, тут все чисто? – старший указал глазами на детали интерьера.

– Сто процентов. «Бабушка», в смысле хозяин, – наш человек, я пришел раньше, он при мне все кругом еще раз проверил насчет жучков. А снаружи ребята смотрят. «Бабушка» гарантирует полный интим!

– Ну, будь здоров. Привет «бабушке». Связь как обычно.

Старший подхватил «дипломат» и степенно прошествовал к выходу.

Два часа спустя.

Один из спальных районов Москвы

Двухкомнатная квартира

– ... «Бабушка» гарантирует полный интим!

На экране японского телевизора нерезко обозначились старший и молодой. Запись была сделана нечетко, да и видеосистема оставляла желать лучшего, но суть происходящего сомнений не вызвала.

– Ну будь здоров. Привет «бабушке». Связь как обычно...

– Все, Михаил Петрович, – крепкий, поджарый парень остановил видеозапись. – Отмотать назад? – спросил он у сидевшего рядом майора Каменева.

– Не надо, Сережа. Все и так ясно. Ты молодец, похоже, они ничего не почуяли. – Майор поднялся с кресла, расправил плечи и размял кисти рук. – Вот видишь, недаром мы водили этого молодого. А представителя доблестной и краснознаменной «таможни» узнал?

– Нет, – Сергей пожал плечами. – Хотя где-то я уже видел его. По-моему, он не из наших. И не из угрозыска. Может из ОБЭП?¹⁰

– Нет, Сережа, не ОБЭП. – Михаил Петрович задумчиво разглядывал тени на потолке. – Это подполковник Гушин, референт по особым поручениям из министерства!

– Точно! – вспомнил Сергей. – В министерстве я его и видел! Несколько раз. Неприятный тип, надо сказать.

– Вот что, лейтенант, – Каменев перешел на официальный тон, – про эту запись ни в каких бумагах не упоминать категорически! Пусть пока полежит у меня в сейфе. Всю свою активность прекрати, отдохни, посиди на бюллетене.

– Они вроде серьезное мочиловое затевают, – попытался возразить Сергей. – А потом этот канал... – он повторил жест старшего славянина из видеозаписи, подняв указательный палец к потолку.

– В том-то и дело, – остановил его Михаил Петрович. – Тут пока все непонятно, поэтому и молчи, как рыба, понял? Никому! А я завтра пойду к руководству. Похоже, дело серьезней некуда. Ясно?

– Так точно, господин майор! – Сергей по-военному вытянулся перед старшим по званию.

– Свободен, лейтенант. Отдыхай. Ты сделал большое дело.

Вечером Каменев и Громов «смотрели кино» на квартире у полковника.

– Ты тоже думаешь, что это Гушин? – не отрывая взгляда от лица товарища, негромко спросил Михаил Петрович.

– Гушин, сволочь, – подтвердил полковник. – Если это начало войны, без него не обошлось. Сам под капот, понятно, не лазил, кишка тонка, но устроить провокацию для него как два пальца обмочить, я его давно знаю, подлец, трус и карьерист. Его же в 1989-м едва под суд не отдали: сфабриковал дело против молодых ребят, чуть под высшую меру не подвел невиновных. Ну, из органов его тогда выперли, а в 1991-м на демократической волне восстановили. Причем в аппарате министерства! Он – «шестерка» у крупных «тузов», на них и пашет 24 часа в сутки!

– Тогда нам его не взять, – подытожил Каменев. – Я понимаю, даже видеозапись не поможет...

– Скажут, фальшивка, подделка, видеомонтаж... Хотя и отмолчаться в тряпочку нельзя, тут все слишком серьезно, дело ведь не в Гушине. Он – «шестерка» для грязных дел, такие долго не живут, дурак он, сам бы мог догадаться. Рано или поздно «высокие стороны» начнут зачищать концы, тут ему и крышка, либо те позаботятся, либо другие, либо сам его «отец родной» решит, что эта карта отыграла. Короче, Миша, скажу тебе вот что. – Полковник на мгновение задумался. – Дело об иномарках я с тебя снимаю, – голос Громова зазвучал увереннее. – И... – он выдержал паузу, – действуй на свое усмотрение! Наша цель – распознать вот этого его «отца родного», который в нашей Конторе завелся. Пока только распознать, большее нам не по зубам. Попробую прояснить, с кем это Гушин так хорошо «дружит» внутри министерства, а ты к нему не приближайся, я имею в виду, конечно, не тебя самого, а твоих людей. Сомов уже мелькал, его теперь на этой работе полгода нельзя использовать, а других у тебя нет. Работай понемногу по его контактам – кавказцу и славянину, но на цыпочках, не спугни. Каждый день по возможности докладывай мне. В случае чего постараюсь прикрыть...

¹⁰ ОБЭП – Отдел по борьбе с экономическими преступлениями (бывший ОБХСС).

Утро следующего дня. Москва, Житная, 16. Министерство внутренних дел Российской Федерации

В кабинет одного из замов министра, генерал-лейтенанта милиции Геннадия Ивановича С., вошел его старинный приятель (еще с юрфака) и подчиненный подполковник внутренней службы Андрей Гущин, референт по особым поручениям. Но сегодня старые товарищи были сдержанны и немногословны.

– Геннадий Иванович, все в порядке, встреча с агентами прошла нормально, вернее, блестяще, как говорится, на ловца и зверь бежит, я даже не ожидал, они сами поставили все вопросы, теперь сценарий можно разыгрывать по максимальному варианту. – Гущин уселся в кресле напротив генерала.

– Материальная часть? – Генерал выразительно потер большой палец об указательный.

– Не здесь же...

– Ну разумеется, – генерал немного расслабился. – Теперь по сути. Своему агенту из группировки славянских блатных ты, по твоим словам, давал «дезу» на группировку Казыма Бакинского и Ильдара. Потом для симметрии то же самое Ильдару на славян. Как они реагировали? Там «дезы»-то много было? Смотри не вляпайся, у них своя служба разведки и контрразведки имеется, и совсем не слабая.

– Нет, все путем, то, что я им выложил, так и есть на самом деле. Конечно, кое о чем я просто умолчал, чтобы не напугать раньше времени. Да они и не из пугливых. Оба они – два сапога пара, что Ильдар, что этот деятель из маршальской кодлы, им главное – себя уберечь и на этом руки погреть, побольше авторитета заработать. И что характерно, говорят почти одинаковыми словами. Оба требуют гарантий, что мы не вмешаемся, когда дело дойдет до пальбы, и оба хотят, чтобы мы им не мешали заговариваться стволами и прочей амуницией.

– Подожди... – Генерал на минуту задумался, что-то его в этом деле беспокоило. В «полевой» милицмейской кухне он смыслил мало, а уж к работе с агентурой совсем не имел отношения, да и не положено оперативникам своих агентов раскрывать даже непосредственному начальству и посвящать в подробности. А уж министерское руководство вроде него к этому делу совсем никаким боком. Гущин – не оперативник, по роду деятельности ему заниматься вербовкой агентов и работой с ними не полагается. Генерал был неглуп и понимал, что оба они ходят по тонкому льду, и то, что Гущин в агентурной работе далеко не профессионал, его сильно смущало. – А ты уверен, что они не узнают о твоей работе на два фронта? Представляешь, чем это пахнет?

– Геннадий Иванович, мы ведь об этом уже говорили. У меня железная страховка. На встречах порознь и тому, и другому я сказал, что блюду только его интересы, а другой стороне уши лапшой украшаю, хотя готовлю, так сказать, пятую колонну. Я вначале не раскрывал, с кем именно работаю, но они оба этого потребовали и даже настояли на очной встрече. Первая такая встреча произошла вчера, и все прошло отлично. Думаю, они споются прекрасно, я же говорил, оба рвутся к власти, к большим деньгам... Поэтому каждый никому в своей компании даже не пикнет о наших «переговорах», здесь я спокоен. А связь между ними я пока замкнул на себя, чтобы за моей спиной они не сговаривались, мало ли что им в головы взбредет...

– Ну что ж, дай бог. Теперь главный вопрос. Как твои подопечные отреагировали на возможность более солидной материальной базы? – Несмотря на нежелание генерала называть вещи своими именами даже в разговоре тет-на-тет, Гущин отлично его понял.

– Вот! Я же говорил, на ловца и зверь бежит! Славянин то ли не допер, то ли испугался – «подумать надо», видите ли, а кавказец сам попытался взять быка за рога. Короче, Ильдар сказал: «Нам нужен свой банк, из первой десятки», они хотят там отмывать свои доходы,

иметь свободные деньги для вложений в бизнес, и далеко не только легальный, там и оружие, и...

– Это меня не касается, – прервал генерал.

«Все целку строишь, старая проститутка», – подумал Гушин и продолжил:

– Конечно, это их игрушки, пусть сами и играют, нам неинтересно... Да, и еще он намекнул, что готов будет обеспечить негласную силовую поддержку – ну, там конкурента «успокоить» или долги помочь получить... Хотя это опять же не наши игры, здесь пусть заказчик сам уточняет напрямую, кто что кому должен, зачем и почему. Само собой, Ильдар дал понять, что предпочел бы вести «финансовые» дела сам лично, то есть после того, как предстоящая разборка поставит его у руля или хотя бы позволит за руль держаться. Так что вашего протеже можно обрадовать – его предложение пользуется спросом, если хочет, мы его выведем прямо на клиента, который созрел!

– Нет, это рано, – генерал поморщился. – Не забегай вперед... Пока твой Ильдар не встал, как ты говоришь, у руля, знакомиться им ни к чему. Да и неясно еще, будет ли это Ильдар или тот тип из маршальской группировки. Давай все делать шаг за шагом, «степ бай степ», как говорят наши американские коллеги. Следующий шаг – это вывод твоих агентов на первые роли в их «организациях». Что еще?

– Есть тут одна мелочь... Славянин сообщил, что на крупный ювелирный магазин на Покровке готовится налет. Назвал даже дату. Так что наша славная красноречивая может отличаться – взять бандитов с поличным. Вам – слава, телеинтервью, мне...

– Постой, не торопись. Что-то сразу много удовольствий обещают твои подопечные... Об этой наводке никому, и никаких шагов самостоятельно не предпринимать. Я сам разберусь, время еще есть. – Генерал черкнул в настольном ежедневнике условную закорючку. – Так. Что еще?

– Я все изложил. – Гушин был немного обижен настороженной реакцией патрона на информацию о грядущем налете. «Не хочет ничем делиться, сука старая, все заслуги себе припишет... Ну ладно, я тоже в накладе не останусь».

Генерал заметил надутые губы и поскучевший взгляд своего протеже. «Глуп ты все же, милый. Лишь бы прокукарекать... И не ведаешь, что друзья твои любят иногда супчика с потрошками отведать. Нет, для здоровья полезнее будет держаться от этого услужливого дурачка подальше».

– Хорошо, заканчиваем. Предвидятся ли какие-нибудь осложнения?

– Всего одно, но существенное! Маршал.

– Этот синий ортодокс? Он же в тюрьме, – Геннадий Иванович был подчеркнуто спокоен.

– Думаю, скоро он выйдет.

– Надо сделать, чтобы не вышел.

– Не получится. Все уже заряжено, и здесь мы бессильны. Более того, у меня имеется информация, не вошедшая в официальные сводки.

– Ну что еще? – недовольно поинтересовался генерал.

– Два дня назад в одном ИТУ Московской области вспыхнул бунт. Довольно серьезный. Местное руководство афишировать его не захотело и попыталось подавить беспорядки собственными силами. Однако зеки разыгрались не на шутку и чуть-чуть не вырвались за пределы зоны. Локализовать конфликт удалось лишь после того, как на зоне побывал Маршал.

– Как? – генерал был удивлен.

– Очень просто, прямо из СИЗО! – невозмутимо продолжал Гушин. – В сопровождении старших офицеров милиции. Могу назвать фамилии.

– Хорошо, потом. И что же?

– Зеки разошлись по баракам. Бунта как не бывало. Начальник ИТК подполковник Губин будет молчать как рыба. Кстати, Маршал «уволит» нескольких офицеров и прапорщиков из администрации.

– Сведения точные? – генерал поджал губы.

– Безусловно, – подтвердил Гуцин. – Вам, Геннадий Иванович, остается лишь принять их к сведению, – референт невольно скаламбурил и улыбнулся, как ему показалось, весьма обаятельно.

– Черт знает что, – генерал в сердцах хлопнул ладонью по полированной поверхности служебного стола, до него наконец дошел смысл сказанного Андреем. Он не мог сообразить, что ему делать в этой ситуации. В отличие от собеседника, свою карьеру Геннадий Иванович сделал в комсомольских кабинетах и на партийных собраниях. В начале 90-х он сжег партийный билет, отрестился от проклятого прошлого и стал знатным номенклатурным демократом. Как человека с высшим юридическим образованием его бросили на укрепление и демократизацию системы МВД. Здесь-то он и встретил своего бывшего сокурсника и единомышленника Гуцина. Процесс демократизации пошел успешно, поскольку оба были людьми неглупыми. Только в тонкостях оперативной работы и особенностях преступного мира Геннадий Иванович был не силен. Для этого имелся Андрей Гуцин, отдавший молодые годы оперативной работе в угрозыске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.